

Итоговый аналитический отчет по проекту
«Перевал на туристическом маршруте: социальная жизнь места пересечения
туристических, экономических и религиозных практик»

Мария Агафонова

Перевалы в Республике Алтай одновременно являются популярными туристическими объектами и пространствами, пребывание в которых регулируется рядом ограничений. Часть этих ограничений связана с охраняемым статусом перевалов: в частности, Семинский и Чике-Таман признаны памятниками природы. Другие основаны на представлениях местных жителей, для которых перевалы — особые пространства, отделенные и отличающиеся от других рядом запретов и предписаний. Об этих ограничениях впервые приехавший в регион турист может узнать, например, из табличек, билбордов, информационных щитов, с которых к «жителям и гостям» обращены просьбы «соблюдать чистоту и святость»¹ определенных мест, запреты «громко говорить, шуметь, бросать мусор, слушать музыку»².

Пространство перевала, с одной стороны, оказывается важным элементом туристической инфраструктуры, является достопримечательностью само по себе и предоставляет местным жителям широкие возможности для предпринимательства, будь то торговля сувенирами или организация питания. С другой стороны, туристические практики потенциально могут вступать в конфликт с религиозными практиками местного населения, осмысляться в категориях опасности и порождать стратегии сопротивления. Описание устройства социальной жизни одного конкретного перевала на Алтае позволяет исследовать напряжение между возможностями, которые открывает для местных жителей возросший туристический поток, и теми сложностями, которые он им несет.

Целью проекта было проанализировать, как различные участники, вовлеченные в жизнь перевала Чике-Таман, взаимодействуют друг с другом в контексте пересечения религиозных, туристических и экономических практик.

В ходе работы я выполнила следующие исследовательские **задачи**:

1. Выявила ключевые группы акторов, включенных в социальную жизнь перевала;
2. Описала практики, связанные с перевалом как местом почитания, возможные конфликты и стратегии взаимодействия местных жителей с туристами в этом контексте;

¹ Из таблички на перевале Громотуха в Усть-Коксинском районе Республики Алтай.

² Информационный щит там же.

3. Определила, какие экономические практики существуют в пространстве перевала, и выявила связанные с перевалом промыслы, использующие в качестве основного ресурса регулярный туристический поток.

Краткая характеристика поля и методов полевой работы

Первый (полевой) этап проекта представлял собой экспедицию в Республику Алтай, состоявшуюся в период с 30 июля по 20 сентября 2025 года. Выбор перевала Чике-Таман в качестве основной части поля обусловлен сочетанием всех обозначенных практик: на Чике-Тамане регулярно останавливаются туристы, оборудованы места для привязывания *кыйра* (или *жалама*), а также расположен сувенирный рынок. Перевал является участком федеральной автомобильной дороги, что обеспечивает непрерывный поток туристов, особенно интенсивный в летние месяцы. Описание поля можно разделить на три части: непосредственно перевал, одно из двух ближайших к нему сел и соответствующий участок Чуйского тракта.

Село Купчегень. Село расположено в 10 км. от вершины перевала Чике-Таман, если двигаться в сторону границы с Монголией. Купчегень расположен непосредственно на Чуйском тракте, который в пределах села становится центральной улицей. По данным сельской администрации, в селе живет от 400 до 500 человек, точнее определить невозможно, поскольку некоторые из тех, кто прописан в селе, в нем не живут или живут лишь в летний период. В Купчегене есть школа и пришкольный интернат, детский сад, ФАП, дом культуры, библиотека, почтовое отделение, три пункта выдачи маркетплейсов, три магазина и два кафе (на тракте), а также «Центр народных художественных промыслов». Вблизи села вдоль тракта также расположены туристические базы, большая часть из которых принадлежит местным жителям. Значительная часть жителей Купчегеня (каждая вторая семья, по словам нескольких моих собеседников) держит подсобные хозяйства — крупный и мелкий рогатый скот. Некоторые ездят на работу в районный центр. Для ряда семей одним из источников дохода является также работа на Чике-Тамане (на сувенирном рынке, в торговых точках с едой и напитками).

Языком повседневного общения в Купчегене, по моим наблюдениям, является алтайский. При этом большинство проживающих в Купчегене алтайцев являются билингвами, поэтому общались мы на русском языке.

Перевал Чике-Таман расположен в Онгудайском районе между селами Хабаровка и Купчегень на автомобильной дороге федерального значения Р256 «Чуйский тракт». На его вершине находится небольшая автомобильная парковка, сувенирный рынок (около

семидесяти торговых точек), больше десятка торговых точек с едой навynos, общественный туалет, а также несколько смотровых площадок. В определенных случаях алтайцы, проезжая через перевал, оставляют там подношения — привязывают кыйра (или жалама) — ленты из натуральной ткани белого, голубого, желтого или зеленого цветов. Для этого по обе стороны от тракта расположены специально оборудованные места.

Чуйский тракт. Так как одной из задач исследования было определить по возможности всех вовлеченных в социальную жизнь перевала акторов, моими собеседниками (а зачастую и попутчиками) становились не только работники рынка и путешествующие на личном или арендованном автомобиле туристы, но и гиды и сопровождающие туристических групп, водители туристических автобусов, сотрудники и владельцы расположенных по обе стороны от перевала туристических баз.

Основными **методами** сбора полевого материала были включенное наблюдение и проведение полуструктурированных интервью. Всего за время полевой работы я записала более 50 таких интервью с самыми разными людьми. В этническом отношении это были, как правило, алтайцы и русские. Самой младшей моей информантке на момент интервью было 15 лет, самой старшей — 88. Так сложилось, что значительную часть моих собеседников составили бывшие или нынешние школьные учителя: это связано в первую очередь с тем, что учителя и ученики школ Онгудайского района часто работают на рынке во время летних каникул. Среди работников рынка мне встречались люди с разным уровнем образования и разным профессиональным бэкграундом: от военного на пенсии до бывших банковских и страховых служащих, от инженеров и строителей до студентов и недавних выпускников российских вузов.

В рамках включенного наблюдения я добиралась из села на перевал и обратно, осваивая распространенные среди работников рынка практики мобильности (ездила автостопом с туристами и водителями из Республики Алтай, передвигалась на «такси» (с жителями сел, занимающимися частным извозом), делила стоимость бензина с водителями — работниками рынка). Также я наблюдала за ходом торговли в сувенирных лавках и торговых точках с едой навynos, чтобы обнаружить, как выстраивается взаимодействие работников рынка с туристами — «транзитными» покупателями из других регионов, какие представления о туристах влияют на рабочую практику, как устроено сотрудничество и распределение общих обязанностей между разными работниками рынка и — основное — как на процесс торговли влияет представление о пространстве перевала как об особом, ограниченном рядом запретов и предписаний.

Отдельно я наблюдала за практиками туристов на перевале, чтобы отметить, где и для чего они останавливаются, какие места и объекты в пространстве перевала становятся для них «точками притяжения». Кроме того я преодолела часть маршрута от перевала и обратно с туристической группой, чтобы сравнить «экскурсионный» нарратив о перевале и тракте с теми нарративами местных жителей, которые я фиксировала в ходе интервью.

Также в своем полевом дневнике я фиксировала содержание спонтанных бесед с туристами, подвозившими меня водителями и случайными попутчиками, работниками придорожных кафе и торговых точек в других местах на Чуйском тракте. Эти спонтанные беседы в силу «транзитного» характера взаимодействий не могли перерасти в полноценные интервью, однако способствовали как большему включению в поле, так и конкретизации вопросов во время интервью и фокуса при наблюдении.

Ограничения. Социальная жизнь перевала определяется широким кругом акторов и не ограничивается сообществом работников рынка. Участники повседневных взаимодействий — это проезжающие транзитом туристы, гиды и сопровождающие групп, водители туристических автобусов, сотрудники расположенных поблизости туристических объектов, периодически бывающие на рынке жители ближайших сел, представители власти (в частности, сотрудники ГИБДД) и другие люди, чье присутствие на перевале носит более или менее кратковременный характер. Однако длительное включенное наблюдение за представителями всех этих групп и категорий невозможно проводить одновременно. В отличие от большинства «транзитных» посетителей перевала, работники рынка во время туристического сезона проводят на перевале значительную часть своей повседневной жизни. Они регулярно возвращаются в одно и то же место, ежедневно наблюдают за происходящим и вырабатывают стратегии взаимодействия с другими участниками жизни перевала, поэтому взгляд с их точки зрения позволяет выявить повторяющиеся практики и способы регулирования отношений с туристами, другими работниками, государством и самим местом. Поэтому в изложении результатов исследования я сосредоточусь прежде всего на работниках рынка, привлекая материал о других участниках социальной жизни перевала там, где он позволяет увидеть эти отношения с другой стороны.

Часть 1. Экономика перевала в пространстве и времени

Широкий контекст: автомобильный туризм в Республике Алтай

Республика Алтай — самый «сельский» регион России: доля сельского населения в нем составляет 69,4% [Росстат 2025: 50], а сельское хозяйство является одним из основных видов экономической деятельности среди занятого населения. На протяжении многих лет

для региона характерен высокий уровень дотационности [Минфин 2024], сохраняется один из самых высоких уровней безработицы (9% по данным Росстата за 2025 г., это третье место в стране по этому показателю [Росстат 2026]). В этих условиях туризм в качестве источника занятости и доходов приобретает особое значение. «Туристический бум» оказался связан с целым набором противоречивых ожиданий как со стороны представителей органов государственной власти, так и со стороны жителей республики. Так, в частности, в «Стратегии социально-экономического развития Республики Алтай на период до 2035 года» туризм назван «основной специализацией региона», и в рамках «интенсивного сценария развития» правительство предполагает сохранение его «ведущей роли» [Стратегия социально-экономического развития 2018].

Вообще туризм на территории Горного Алтая начал развиваться еще в начале XX в., однако начало современного «туристического бума» на Алтае исследователи относят к концу 1990-х – началу 2000-х гг. [Республика Алтай 2025; Минаев 2021; Broz, Nabesck 2015] и связывают со стабилизацией экономической ситуации после кризиса 1990-х гг., развитием дорожной и туристической инфраструктуры и массовой автомобилизацией. Последняя особенно важна для понимания современной специфики туристической мобильности в регионе.

Важно, что туризм в регионе развивался неравномерно и между районами существует значительная разница: большая часть туристического потока «оседает» в Майминском и Чемальском районах [Минаев 2021], а в Онгудайском районе массовый туризм — явление сравнительно недавнее. Некоторые мои информанты соотносят увеличение туристического потока в этих местах с началом – серединой 2010-х гг., особенно он вырос в период пандемии COVID-19 и после изменения внешнеполитической обстановки, когда россияне стали больше путешествовать внутри страны.

Особенности этого потока во многом определяются транспортной доступностью региона. Согласно данным республиканских органов власти, подавляющее большинство туристов (60%) приезжает в регион на личном автомобиле [Программа развития автомобильного туризма 2025]. Это связано с «низкой транспортной доступностью Республики Алтай и объектов туристского показа»³: железнодорожного сообщения с республикой нет, а авиасообщение до 2012 г. существовало преимущественно в пределах Сибири. Более того, хотя это и не указано в программах развития регионального туризма, общественный транспорт в регионе развит слабо, поэтому туристы могут передвигаться внутри

³ Формулировка из принятой правительством региона Программы «Развитие внутреннего и въездного туризма» [Развитие внутреннего и въездного туризма].

республики исключительно на личном или коммерческом автотранспорте. Так, первый парадокс, с которым мне пришлось столкнуться сразу по прибытии в Онгудайский район, — практически полное отсутствие общественного транспорта при кажущейся транспортной доступности. Большинство населенных пунктов в районе расположены на Чуйском тракте, однако между ними отсутствует автобусное сообщение. Отсутствует оно и с районным центром. В большинстве крупных сел есть *таксисты* — люди, которые занимаются частным извозом. Как правило, таксисты ездят регулярно по одному и тому же маршруту (например, село — райцентр — село), однако с ними можно договориться и о других поездках. Еще одна распространенная практика — поиск попутного транспорта в локальных чатах и интернет-сообществах. Если человеку нужно поехать, например, на свадьбу в другой район, он ищет попутный транспорт до Горно-Алтайска и сообщает о своем желании занять место в машине. Так попутчика из Купчегеня может забрать на остановке машина, едущая из Кош-Агача (около 200 км. от Купчегеня) в Горно-Алтайск (еще 240 км.). Этот вариант мобильности также называется *такси*. Неразвитость общественного транспорта находит отражение в распространенном у туристов представлении, что «на Алтае без машины делать нечего». На перевал Чике-Таман путешественник вообще не может попасть иначе, чем на личном автомобиле или мотоцикле, экскурсионном автобусе или велосипеде (последнее — не самая распространенная практика).

Автомобилизация при этом определяет не только способ перемещения туристов, но и характер самого путешествия. Л. Брож и Й. О. Хабек, анализируя «сибирский автомобильный бум», описывают распространенную практику поездок на Алтай на выходные, когда жители соседних проводят в дороге до 16 часов. При этом путешествие на автомобиле становится не просто способом добраться до места проведения отдыха, а одной из составных частей поездки или ее целей [Broz, Habec 2015: 567]. Важной характеристикой таких путешествий оказывается возможность самостоятельно выбирать маршрут и останавливаться в произвольных местах. Такие остановки позволяют физически и эмоционально отдохнуть от долгого нахождения в автомобиле, а также оказываются подходящим местом и временем для шоппинга — «хобби большинства автопутешественников на Алтае» [ibid.: 563-564].

Наблюдая описанную практику в Онгудайском районе, я разговаривала с туристами в их автомобилях и нередко выясняла, что мои собеседники лишь приблизительно представляли себе конечную точку маршрута или продолжительность поездки: они «просто ехали»,

воспринимая движение по тракту как самоцель. Перевал Чике-Таман становился для них одной из спонтанных остановок.

Локальный контекст: место торговли на перевале в ряду экономических практик жителей Онгудайского района

Для жителей населенных пунктов, расположенных в непосредственной близости от Чуйского тракта, придорожная инфраструктура и туризм нередко выступают значимыми источниками дохода и воспринимаются не столько как возможность получения дополнительной прибыли, сколько как ресурс жизнеобеспечения. Подобное представление неоднократно проявлялось в разговорах с местными жителями, описывавшими свою экономическую деятельность в категориях «выживания». Так, в терминологии Ю. М. Плюснина торговлю на перевале и в других местах регулярных «остановок», организацию питания в придорожных кафе на Чуйском тракте, размещение туристов в небольших гостевых домах можно обозначить как *промыслы*, то есть хозяйственную деятельность, направленную не на получение дополнительного дохода, а на «жизнеобеспечение (выживание) семьи и достижение иных, как правило социальных, целей» [Плюснин 2022: 59].

Придорожная торговля на перевале Чике-Таман оказывается встроена в систему экономических практик, существование которых напрямую зависит от интенсивности автомобильного и туристического потока, и не ограничивается отношениями между продавцами и туристами. У многих работников рынка есть знакомые гиды, которые привозят на перевал группы туристов и тем самым оказываются включены в практики обмена. Другое направление взаимодействия связано с поставщиками: так называемые «оптовики» регулярно привозят товары на машинах из других районов Республики Алтай, Алтайского края и Монголии. Таким образом, рынок предстает чем-то вроде узла, связывающим туристический поток с более широкими сетями производства, поставок и обмена.

При этом торговлю на перевале нельзя определить как неформальную экономическую практику: деятельность рынка встроена в систему сложных отношений с разными уровнями государственной власти и имеет достаточно высокий уровень формализации. Более того, эта ее «формальность» принципиально важна для самих продавцов. В их рассказах она выступает одним из способов легитимации присутствия на перевале — как в глазах

государства, так и в глазах соседей или исследователя⁴. Работники рынка зарегистрированы как самозанятые или (чаще) индивидуальные предприниматели, то есть у некоторых из них есть право нанимать продавцов на свои точки. Считать торговую точку своей предпринимателям позволяет договор аренды, который на момент проведения полевой работы они заключали с администрацией сельского поселения⁵. Территория перевала Чикетаман относится к Хабаровскому сельскому поселению, и именно администрация Хабаровки сдает в аренду на перевале места для торговых точек. Договор аренды заключается на год, при этом торговую точку арендатор оборудует самостоятельно. Говоря о взаимоотношениях с сельской администрацией, некоторые мои информанты упоминали также о «спонсорской помощи» сельскому поселению со стороны предпринимателей, которые иногда могут «вложить деньги» в проведение мероприятий внутри поселения (например, приуроченных к празднованию 9 мая). Таким образом, механизм, узаконивающий и регулирующий присутствие продавцов на перевале, сосуществует с представлениями о взаимовыгодном характере отношений с сельской администрацией.

Важно отдельно обозначить, что жители сел, расположенных на Чуйском тракте, в экономическую деятельность, связанную с туризмом, включены в разной степени. Отношение к туризму у работников рынка и жителей ближайших сел амбивалентное, и одна из причин этого — в напряжении, возникшем между развитием туризма и другими экономическими практиками местных жителей. Туристический поток, проходящий по тракту, оказывается важным ресурсом для людей, непосредственно включенных в торговлю на перевале. Тем временем для других жителей региона, особенно если они заняты в животноводстве, развитие туризма может связываться с разрушением привычного ландшафта и набором угроз. Так, например, сотрудница сельской администрации Хабаровки в разговоре со мной отмечала, что массовый туризм лишает местных жителей привычных «уединения» и «тишины», и подчеркивала, что выгоду от него получают далеко не все:

Большинство психуют, что «зачем нам туристы?». Кто занимается туристическим бизнесом, туризмом — им, наоборот, выгодно. Они как-то деньги зарабатывают. Ну, получается, не все же, получается, турбазами занимаются, туристами занимаются? В основном большинство населения занимается лично-

⁴ В ходе интервью мои собеседники нередко говорили о налогах, но особенно примечательны случаи, когда с упоминания налогов начиналось знакомство. Так, представляясь и спрашивая разрешение на запись, я несколько раз слышала предваряющее согласие утверждение, что «скрывать собеседнику нечего», так как он «все налоги платит». В этом обращении ко мне как внешнему наблюдателю я также склонна видеть обращение к государству, которому адресована открытая демонстрация легальности экономической практики.

⁵ Эта функционировавшая на протяжении нескольких лет система могла измениться (в юридическом отношении) в связи с проведением в регионе в 2025 году реформы системы местного самоуправления, в рамках которой сельские администрации были ликвидированы.

подсобным хозяйством, фермерским хозяйством. Ну, конечно, здесь тоже палка о двух концах» (ж., ок. 40 лет, алтайка, сотрудница сельской администрации).

Некоторые мои собеседники из сел по обе стороны перевала видели в развитии туризма причину изменения привычных практик животноводства, особенно в связи с трансформирующимися мобильностью и принципами землепользования. В частности, частые случаи гибели скота на дороге мои собеседники объясняли увеличением трафика и, несколько реже, тем, что практики вождения у местных и туристов различаются: туристы привыкли ездить «у себя по полю» и не способны соблюдать скоростной режим, который предполагает горная местность. Указанная высокая аварийность и изменение режима использования земли ограничивают распространенную в республике практику свободного выпаса скота.

Туризм может нарративно противопоставляться «традиционной жизни», связанной с открытостью и доступностью пространства и сохранением алтайского языка, что отражено, например, в этом рассказе жительницы ближайшего к Чике-Таману села:

МА: Насколько, на Ваш взгляд, вот этот туристический поток важен для экономики Хабаровки?

Инф.: Ой, вообще бы, если вот так взять, да, вот этот туризм — он нам мешает. Нашей традиционной жизни мешает. Мы привыкли скотом жить. Мы привыкли раздольно жить. А сейчас, видите, какое время приходит? Вот всё загораживается, всё загораживается. Вот эти турбазы, вот эти базы отдыха — всё загораживается. Скотину где держать? И вообще бы, если вот так, да, правильно, да, вот туризм — он мешает нам. С одной стороны, конечно, люди зарабатывают, но, с другой стороны, нам оно мешает. Меняются люди, характер меняется. Язык забывается сейчас. Видите: постепенно обрусевание идёт. Дети свой язык... не хотят говорить. Ну, это есть, есть — так надо говорить открыто (ж., ок. 65 лет, алтайка).

Связь развития туризма с ограничением доступа к земле в подобных формулировках («все загораживается») — общее место в разговорах с жителями республики, напрямую не получающими выгоды от возросшего туристического потока.

Сообщество работников рынка

Подавляющее большинство работников рынка — жители ближайших к перевалу сел Онгудайского района. Также нередко на точках работают родственники местных жителей, постоянно проживающие в соседних регионах (Новосибирской и Кемеровской областях, Алтайском крае) или Горно-Алтайске и приезжающие в Онгудайский район на время отпуска или каникул. Из числа моих информантов только одна семья — приезжие из Центральной России, и за все время полевой работы мне ни разу не приходилось слышать о том, чтобы был еще хотя бы один работник, приехавший настолько «издалека». Эту

семейную пару некоторые работники рынка приводили в качестве примера, когда отвечали на мой вопрос о том, любой ли человек может начать работать на перевале.

В этническом отношении большинство работников рынка — алтайцы. Одна моя информантка на вопрос о том, на каком языке общаются работники в их общем чате в мессенджере, ответила, что, несмотря на то, что русские в сообществе являются «меньшинством», в чате пишут по-русски: работающие на рынке алтайцы, как правило, билингвы, в то время как русские работники алтайским не владеют. При этом в рамках повседневного общения между работниками используются, по моим наблюдениям, оба языка.

В других отношениях сообщество представляется мне намного более неоднородным. Работники рынка — это люди разного возраста, с разным уровнем образования, разным профессиональным бэкграундом и разным отношением к собственному труду. Предпринимая попытку обозначить некоторые крупные группы, я ориентировалась на социально-демографические характеристики и место торговли в жизни работников. Так, например, в первые же дни полевой работы я отметила связь между составом сообщества работников и границами учебного года в школах и вузах. На перевале торгует довольно много бывших или нынешних школьных учителей, которые подрабатывают либо во время каникул, либо после сокращения или выхода на пенсию. Также в отдельную группу можно объединить школьников и недавних выпускников школ, которые на рынке помогают родственникам и используют перевал как место встречи с друзьями и организации летнего досуга. Отдельная категория — студенты и недавние выпускники вузов (как правило, находящихся в других регионах), которые также помогают семье во время каникул и отпусков. Еще одна заметная категория — семьи из ближайших к перевалу сел, для которых торговля является основным источником дохода или напрямую связана с их основным занятием в случаях, когда они «реализуют» собственную продукцию.

Обозначенные группы, однако, не образуют жесткой и исчерпывающей типологии. Место торговли в жизни представителей сообщества может меняться со временем, и моя попытка разделить работников рынка на группы призвана подсветить различия в характере и степени включенности работников в торговлю на перевале. Для одних она представляет собой сезонную подработку, для других — способ организации свободного времени и социализации, для третьих — основной источник дохода и продолжение хозяйственной деятельности. Поэтому выделить единую модель или описать «среднестатистического» работника рынка невозможно: сообщество формируется из людей с различной мотивацией, жизненными траекториями и степенью зависимости от торговли.

Пространственное измерение торговли на перевале

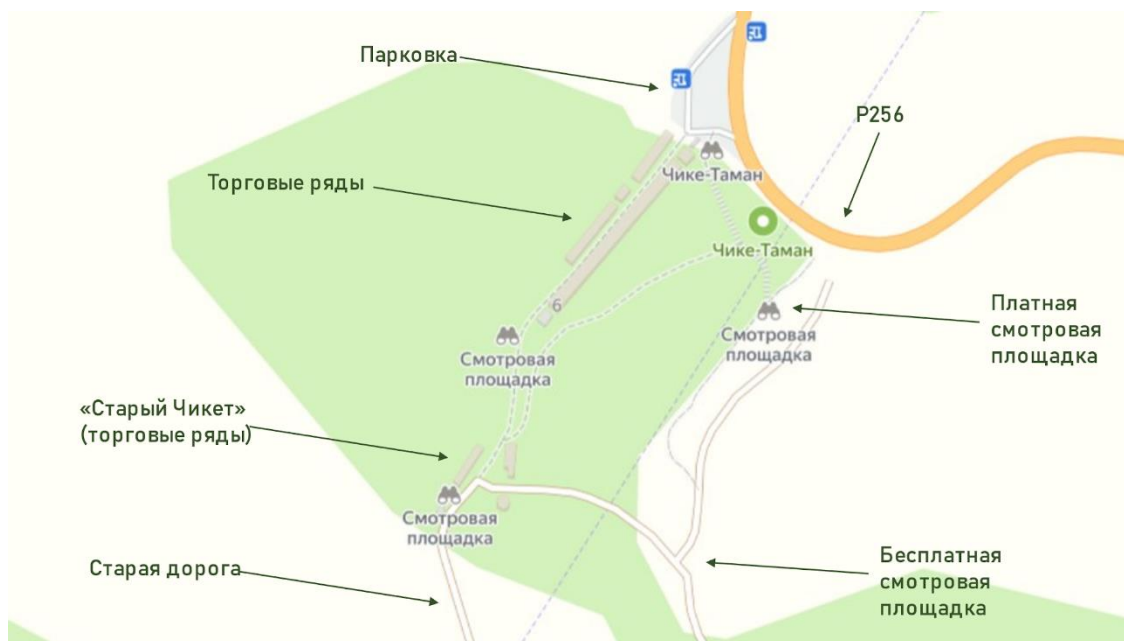
Двигаясь по Чуйскому тракту, водители останавливаются на парковке или, если парковка переполнена, на обочинах: иногда ряды стоящих вдоль обеих обочин машин растягиваются на десятки метров, что усложняет движение на и без того узком, зажатом между скалами участке дороги. По периметру парковки расположено немногим более десятка торговых точек с едой и напитками, по большей части разместившихся в автомобильных прицепах. За ними — огороженная смотровая площадка, с которой открывается вид на долину реки Малый Ильгумень. Туристы фотографируют друг друга, курят, опираясь на ограждения, пьют кофе и едят купленные рядом чебуреки, записывают видео или звонят близким «с перевала Чике-Таман», однако большая часть из них не здесь, а в проходе между торговыми рядами сувенирного рынка. Это два ряда киосков, стоящих вплотную друг к другу. Следуя иногда за небольшими группами от парковки, я наблюдала, что, дойдя до свободного пространства после этих торговых рядов, многие туристы разворачивались и не следовали дальше. И действительно, какие-либо схемы или указатели на перевале отсутствуют: путешественник, не проявивший достаточного любопытства, чтобы подняться по уходящей от парковки дороге дальше, может и не узнать, что там располагается еще одна оборудованная смотровая площадка, старый участок Чуйского тракта и еще одна часть рынка.

Вид на парковку и торговые ряды в будний день в августе (около 10 часов утра)

Рынок, таким образом, можно в соответствии с организацией пространства разделить на три части. Первая часть — точки с едой и напитками навынос на парковке. Вторая часть —

два ряда киосков, начинающиеся сразу за ней. Это наиболее старая часть сувенирного рынка, работники которой начали торговать раньше остальных. Третья часть, которую называют Старым Чикетом, расположена на самой высокой точке старого участка дороги через перевал и отделена от предыдущей небольшим свободным пространством и смотровой площадкой. Всего на перевале расположено около семидесяти торговых точек.

Скриншот с сайта «Яндекс Карты» с обозначением упоминаемых в тексте отчета объектов

По рассказам моих информантов, торговля на перевале возникла в начале 2000-х гг. и существовала в том формате «придорожной» экономической практики, который и по сей день можно наблюдать по обочинам Чуйского тракта в других местах: в зависимости от сезона и «специализации» отдельных сел по обочинам продают мед, яблоки, грибы, ягоды, веники для бани и т. д.

Так об этом периоде рассказывает мой информант, который в 2004-2005 гг. начал продавать самодельные рыболовные снасти:

Ну, начинал я тут, знаешь, как тебе сказать... Вот с такой коробочки мормышек. Вот мормышками начал торговать, ну и по ходу развития тут ещё, там, человека два-три было, которые украшения делали, там, всякие разные. Ну и вот с этого всё началось. Но потом по ходу спроса начал рождаться... Как, говорится спрос — предложение. Ну а потом как-то расширился ассортимент: пошли магнитики, пошли знакомства, сувенирные изделия. Бийск, Турочак наши местные, Манжерок — там все стали предлагать товар, мы сами

стали ездить. Ну и, сама видишь, ассортимент раздвинулся. Кашемировые изделия — всё это Монголия попёрла, сами иногда в Монголию ездили⁶ (м., ок. 60 лет, русский, работник рынка на Чике-Тамане).

В период реконструкции дороги через Чике-Таман в 2017 г. администрация сельского поселения предложила торговцам, которых становилось все больше, переместиться в сторону от дороги, чтобы не прекращать работу. В 2018 г., по словам сотрудницы администрации Хабаровского сельского поселения, в стороне от парковки появились первые оборудованные киоски, после чего рынок и стал разрастаться «вглубь» перевала.

Обозначенное деление рынка на части и историю его появления важно учитывать при описании сообщества торговцев и рассмотрении их рабочей практики, так как структура сообщества и пространственная организация оказываются взаимосвязаны. Расположение киоска в той или иной части может определять специфику рабочей практики и ряд, пусть и намеченных пунктиром, иерархий внутри сообщества. Так, например, некоторые из моих информантов считают торговлю в нижней части рынка более прибыльной, а аренду точки там воспринимают как удачу:

МА: А здесь торговля идет хуже, чем внизу?

Инф.: Да.

МА: А почему, не знаешь?

Инф.: Потому что некоторые люди просто сюда не доходят. Они просто вот... Тут же площадка [смотровая] есть, дорога вот тут. Вот там останавливаются, там фоткаются и обратно спускаются. Либо вообще не доходят, там внизу, может, на парковке покушают и все. Или обратно уезжают (ж., 17 лет, выпускница школы, помогает матери на рынке).

Однако некоторые сотрудники рынка рассматривают точку на Старом Чикете как преимущество, и связывают с таким расположением предпринимательский расчет. Так, один мой знакомый сознательно выбрал для торговли самую отдаленную от парковки часть рынка — Старый Чикет. Мой собеседник продает в основном мясную продукцию расположенного в районном центре небольшого предприятия («цеха»), в открытии которого он сам принимал участие, и отмечает, что, если бы его торговая точка находилась «внизу», они «не смогли бы то количество людей обеспечить». По его оценке, до Старого Чикета из всех остановившихся на перевале туристов добирается лишь 20%:

⁶ Сейчас, о чем говорили и другие мои информанты, сами работники рынка в Монголию за товаром не ездят: это стало невыгодно. Кашемировые и кожаные изделия (последние особенно активно продавались в минувшем сезоне) привозят в Россию «оптовики» из Монголии.

Сюда идут люди, те, которые целенаправленно настроены на шопинг: что-то найти, посмотреть, изучить и так далее. А основная масса же — она же транзитная. Они остановились, отдохнули, скушали беляшик и поехали дальше. Потому что у них запланированы там уже свои... у них свои цели. У них нет цели пойти, там, что-то найти. То есть вот из всей... вот потока, можно так назвать, процентов двадцать — те, которые идут за шопингом. То есть открыть для себя, посмотреть, может быть, сувениры, ещё что-то. То есть целенаправленно. И вот они находят нас. Вот это все тоже было просчитано (м., ок. 50 лет, русский, работник рынка на Чике-Тамане).

В результате «выгодность» расположения торговой точки не сводится к ее близости к современному участку тракта. Нижняя часть рынка обеспечивает доступ ко всему транзитному потоку, тогда как удаленная часть оказывается привлекательной для туристов, намеренно ищущих товары. Пространственное устройство рынка тем самым связано не только с интенсивностью туристического потока, но и с его внутренней дифференциацией.

Наконец, работники рынка связывают расположение торговой точки и с тем, как давно человек начал торговать на перевале. По их словам, «внизу» расположены точки тех, кто начал торговать раньше других, в случае с несколькими работниками — более двадцати лет назад. Пространственная организация рынка связана не только со спецификой торговли в разных его частях, но и с историей сообщества: расположение киоска может определяться длительностью присутствия на перевале и, предположительно, порождать различия в положении работников внутри рынка.

Временное измерение торговли на перевале

Функционирование рынка определяется не только организацией пространства, но и особой темпоральностью — границами внутри суток, сезонов и календарного цикла хозяйственной деятельности. На то, как организована торговля во временном отношении, также влияют самые разные участники жизни перевала, как уже обозначенные (туристы и работники рынка), так и менее очевидные — присутствующие на перевале нечеловеческие агенты (в самом широком смысле). То, как социальная жизнь перевала устроена во временном отношении, я описываю с той же позиции, с которой наблюдала во время полевой работы, — с позиции работников рынка.

Суточное измерение. Рабочий день начинается, как правило, около девяти часов утра: примерно в это время на перевале появляются первые туристы. Работники приезжают несколько раньше: это зависит от того, что необходимо сделать для начала торговли. Одним достаточно открыть киоск, где на ночь остается весь товар. Другие привозят товар с собой или достают его из подсобных помещений и потому тратят больше времени на подготовку точки. Работники торговых точек с едой и напитками приезжают еще раньше: им

необходимо запустить электрогенераторы, пополнить запасы технической и питьевой воды, настроить электроприборы (например, кофемашины) и приготовить первую партию продуктов. Так или иначе мало кто из работников оказывается на рынке раньше восьми часов утра. Связано это и с особенностями мобильности: те, кто добирается на работу на попутном транспорте, подстраиваются под изменения трафика. Так, например, проще всего добраться до вершины Чике-Тамана автостопом как раз около восьми утра, когда жители сел едут на работу в Онгудай.

Заканчиваться рабочий день может в разное время. Это зависит от того, как в конкретный день «идет торговля», что иногда напрямую связано с количеством туристов и погодными условиями. Когда я пыталась выяснить, меняется ли количество покупателей в зависимости от того, будний это день или выходной, мне нередко отвечали, что предсказать интенсивность торговли таким образом невозможно. По моим наблюдениям, самое раннее окончание рабочего дня — пять часов вечера (например, во время продолжительного проливного дождя). Самое позднее — около восьми, когда на перевале становится темно и поток останавливающихся туристов практически прекращается.

В том, как функционирует рынок в пределах суток, оказываются значимы также запреты, которые, по словам моих информантов-алтайцев, ограничивают пребывание человека на перевале: покинуть его необходимо до захода солнца. Несмотря на то, что о запрете шума мне говорили безотносительно времени суток, указывали также, что на перевале нельзя кричать «особенно вечером», так как «вечером, наверное, все отдыхают»:

Инф: Ну, вечером, наверное, все отдыхают. Ну, запрещали нам раньше.

МА: А объясняли как-то, почему нельзя?

Инф.: Нет. Просто нельзя и нельзя — и всё.

МА: И это касается только перевалов?

Инф.: Перевалов, да.

МА: Или вообще любых гор?

Инф.: Ну, в основном перевалы. Когда ты поднимаешься на перевал — надо соблюдать. Все осторожно делать. Потому что здесь же ходят многие животные. Ну, еще нам говорили, что дух Алтая рассердится (ж., ок. 50 лет., алтайка, работница рынка на Чике-Тамане).

Таким образом, в сутках есть время, когда присутствие и деятельность людей на перевале пусть и ограничена, но допустима, и время, которое в большей степени «принадлежит» другим — духам и животным.

Животные, по словам нескольких моих собеседников, «пользуются» одной из старых дорог через перевал — скрывающейся среди деревьев и кустарников старой выючной тропой. Они приходят на перевал ночью, в то время как днем боятся шума рынка. Одно конкретное происшествие сделало для меня заметным присутствие диких животных в этом, на первый взгляд, полностью освоенном людьми пространстве. Однажды ночью на перевале умер медведь, разлагающийся труп которого в течение нескольких дней распространял зловоние, что стало для всего сообщества рынка огромной проблемой. В рассказах моих знакомых о том, почему медвежий труп мог оказаться на вершине Чике-Тамана, и актуализировались временные маркеры, разделяющие время пребывания на перевале между животными и людьми:

МА: Интересно, почему он сюда пришёл, тут же...

Инф.: Нет, вообще это как бы мы находимся на их территории, на территории животных. Здесь медведи, волки, лисы — без проблем. Вот просто сейчас туристический сезон, народу много, и они здесь не показываются. [...] Мы находимся на их территории, а не они на нашей.

МА: Я спрашивала, потому что меня учили, что медведь боится шума.

Инф.: Видишь, это было явно ночью. Это было явно ночью, потому что здесь тихо, спокойно, и... шел там по своим делам, возможно. То есть явно его кто-то подстрелил, потому что, и не признался, кто это сделал, и не забрал свой трофей, или, может, не нашел — непонятно, может, что-то случайно случилось. Ну, просто так медведь не умирает (ж., ок. 30 лет, русская, работница рынка на Чике-Тамане).

Сезоны. Еще один временной маркер, определяющий работу рынка и также упомянутый моей собеседницей, — это границы туристического сезона. Продолжительность сезона отличается у разных работников рынка и меняется от года к году. Обычно начало сезона информанты связывали с майскими праздниками (1-10 мая) — первыми длинными и достаточно теплыми выходными, которые автотуристы используют для поездок на Алтай⁷. Окончание сезона зависит как от других видов занятости, так и от погодных условий и интенсивности туристического потока. Учителя, студенты и школьники, например, обычно перестают работать на рынке с началом учебного года. Точки, на которых они работали, либо остаются закрытыми до конца сезона, либо продолжают работу с другими продавцами. Для остальных дата завершения сезона зависит от погоды и от того, когда на тракте почти не остается приезжих. В 2025 году, покидая поле 20 сентября, я не смогла застать конец сезона: большая часть торговых точек была открыта. По словам некоторых

⁷ Майские праздники в пределах моего поля оказываются периодом «наплыва» покупателей еще и в рамках событийного туризма: именно в начале мая в урочище Кур-Кечу (ок. 30 км. от Чике-Тамана) проходит республиканский фестиваль «Чике-Таманская весна».

моих знакомых, торговлю они планировали закончить в октябре, хотя некоторые рассчитывали застать на перевале и начало ноября. Несколько торговых точек работают круглогодично: в них установлены печи.

Время работы на перевале может ограничиваться другими видами занятости: она особым образом встраивается в календарный цикл хозяйственной деятельности. Некоторые мои собеседники относят торговлю к числу сезонных видов работы наряду со сбором кедровой шишки, охотой и сенокосом, что определяет представления о туристическом потоке как связанном с определенной сезонностью и трудно предсказуемом ресурсе: туристический сезон может быть удачным или неудачным, подобно урожайному и неурожайному году.

Торговля на перевале также может конкурировать с другими сезонными видами хозяйственной деятельности. Так, например, количество работников рынка заметно сокращается в периоды, когда несколько дней стоит сухая и солнечная погода: они заняты «на покосе» (в июле и августе) или «на картошке» (в сентябре). В некоторых случаях работников могут подменить члены их семей или знакомые, но иногда точка остается закрытой. При этом ведение собственного подсобного хозяйства некоторые мои информанты воспринимают как причину, понятную и легитимную не только для других представителей сообщества, но и для туристов: так, моя знакомая, которая в одиночку работала на нескольких точках и с трудом справлялась с потоком покупателей в один из сентябрьских дней, потом призналась мне, что испытывала желание оправдаться в глазах покупателей и говорила им, что обычно ей помогает племянник, который не вышел на работу из-за сухой погоды, вынудившей его заняться сбором урожая.

Таким образом, торговля на перевале в пределах суток и сезона определяется интенсивностью туристического потока, погодными условиями и особенностями мобильности. Вместе с тем она встроена в ряд других форм хозяйственной деятельности, в том числе в рамках их календарного цикла. В результате один и тот же человек может в течение года и даже одного сезона переключаться между торговлей и другими видами деятельности, а интенсивность работы на рынке зависит от того, как эти виды деятельности пересекаются и накладываются друг на друга во времени.

Часть 2. Перевал как особое пространство: практики, конфликты и пути их регулирования

Вблизи парковки на Чике-Тамане, за ограждением у самого края смотровой площадки Министерством природных ресурсов, экологии и туризма Республики Алтай установлен информационный щит с картой республики, исторической справкой об этом участке тракта

и «Правилами посещения Республики Алтай». У щита останавливаются нечасто. А среди правил есть, например, такие:

- *«Не наносите надписи на скалы, камни, деревья, памятники наскального искусства и т. п.».*
- *«Не привязывайте тряпки, платки, марлю, средства личной гигиены, медицинские маски на деревья и что бы то ни было».*
- *«Не нарушайте спокойствие местности в вечернее время шумными возгласами, громким пением, не освещайте фонарями склоны и не разводите большие костры».*
- *«На перевалах и вершинах гор не кричите, не скидывайте камни, не рубите деревья на дрова, не разжигайте костры и не разбивайте лагерь».*

Похожие списки правил встречаются и в других местах на Чуйском тракте — там, где (за редким исключением) останавливаются все туристы: как путешествующие на личном автомобиле, так и в составе экскурсионных групп. Процитированный список заканчивается благодарностью «за уважение к местным обычаям и бережное отношение к природе», и из перечня запретов неочевидно, какие из них относятся «к обычаям», а какие — «к природе».

Информационный щит на перевале Чике-Таман

Язык, которым изложены правила, не направлен на объяснение запретов и последствий их нарушения: он складывается из нейтральных и размытых формулировок вроде «обычаев» или «нарушения спокойствия местности», из чего совершенно неясно, что именно понимается под обычаями и почему спокойствие этой местности нельзя нарушать. Возможно, предполагается, что стоящие за этими формулировками реалии известны спонтанно (или нет) остановившемуся на перевале читателю. Возможно, это попытка говорить с туристом на понятном ему языке, отражающем заботу о природе и уважение к чужой культуре как его (туриста) собственные моральные категории. Информационные

щиты — один из инструментов, с помощью которых незримо присутствующая республиканская власть пытается регулировать отношение туристов с местом и (косвенно) местными жителями. В наблюдаемой мной повседневности эту функцию выполняют другие акторы — гиды и работники рынка, анализ повседневных взаимодействий которых с туристами позволяет обнаружить множественные и гораздо более сложные конфликты, пронизывающие социальную жизнь этого места.

Моя основная задача в этой части — продемонстрировать, что перевал представляет собой особое пространство, где любая человеческая деятельность требует постоянного обоснования и регулирования. Это касается как отношений между разными группами людей, вовлеченных в социальную жизнь перевала, так и отношений людей с самим местом. Повседневная жизнь на перевале определяется двумя пересекающимися конфликтами. Первый возникает между туристическими практиками и представлениями местных жителей о перевале как об особом пространстве, отделенном рядом запретов и предписаний, а второй — между экономической деятельностью местных жителей и теми же представлениями. Работники рынка вовлечены в оба конфликта: они взаимодействуют с туристами и гидами, и вместе с тем их хозяйственная деятельность локализована в пространстве, которое воспринимается как особое и связано с представлениями о присутствии в нем нечеловеческих агентов. Поэтому именно на примере их практик особенно отчетливо видны способы, которыми указанные противоречия разрешаются в повседневной жизни перевала.

Перевал как особое пространство: опасности и ограничения

В тексте отчета, выполняя поставленные задачи, я концентрируюсь на представлениях о перевале Чике-Таман как о *священном* месте и связанных с этими представлениями ограничениях, конфликтах и способах их разрешения. Однако этот раздел определяет тот набор оснований, которые позволяют отделить пространство перевала от окружающего ландшафта, определяют его «маркированность» и также оказываются связаны с рядом ограничений. Необходимо это для того, чтобы не сводить анализ повседневных взаимодействий на перевале и с перевалом только к связанным с ним религиозным практикам. Местные жители воспринимают перевал как особое и зачастую потенциально опасное пространство сразу по нескольким причинам: его повседневное использование регулируют дорожная инфраструктура и природоохранное законодательство, специфика его материальности обуславливает особенности движения, а память о его насыщенном прошлом тесно переплетается с представлениями алтайцев об опасных местах и опасном времени. Эти разнородные основания так или иначе приводят к тому, что, находясь на

перевале, люди должны соотносить свои действия с целым набором ограничений, объяснять их себе и другим и регулировать свое поведение.

Особая материальность и водительские тактики. Перевал определенным образом маркирован для движущегося по тракту водителя, что определяется не в последнюю очередь самой материальностью дороги. Сидящих в машине людей о попадании в особенное пространство уведомляет дорожный знак «Прочие опасности» и предупреждение на синем фоне «Внимание! Будьте предельно осторожны начинается горный перевал ЧИКЕ-ТАМАН». Еще через пару километров прерывистая в некоторых местах линия разметки окончательно превращается в сплошную, дорога становится совсем узкой, будучи зажатой между скалами и отбойником, за которым — вид с высоты десятков метров. Когда я садилась в машины водителей, приехавших на Алтай из других регионов, мне не раз случалось замечать, как водители, начиная подъем, прерывают беседу, сосредоточившись на крутых поворотах серпантина. Подъем на вершину перевала с приезжими водителями практически всегда оказывался дольше, чем с местными, которые, по моим наблюдениям, всегда ездят значительно быстрее и в некоторых местах срезают крутые повороты через сплошную. Изменение рельефа, физически ощутимый при быстром подъеме перепад высоты, особые ограничения движения так или иначе требуют и особого режима внимания, порождают различия в водительских тактиках.

«Историческая насыщенность». Прошлое тракта и отдельных его участков постоянно производится и воспроизводится различными участниками жизни перевала: оно составляет основную часть экскурсионных нарративов, оно сопровождает любого оказавшегося на перевале человека в виде информационных щитов и табличек, оно встраивается в некоторые актуальные представления об опасных и «аномальных» местах, заполняет расхожие сюжеты.

На Чике-Тамане одновременно существует несколько дорог, заметных и незаметных для чужака. Помимо новой, основной дороги — участка федеральной трассы — здесь сохранилась старая грунтовая дорога, построенная в 1920–1930-х гг. и по-прежнему используемая, хотя и значительно реже. Многие информанты стремились показать мне также самую старую из дорог — выючную тропу, которую человек, не знающий ее расположения, едва ли способен разглядеть на склоне в гуще деревьев. Особенно часто во время интервью мои собеседники обращались к истории строительства старого участка с использованием труда заключенных Сиблага, в том числе репрессированных. Со старой дорогой связаны многочисленные рассказы об авариях и человеческих жертвах — погибших строителях и «шоферах».

В рассказах моих собеседников-алтайцев прошлое тракта включено в более широкий комплекс представлений о дорогах и перевалах как местах возможной встречи с опасными или пугающими нечеловеческими агентами (некоторые информанты в интервью называли их *көрмөс*⁸), особенно в неблагоприятное время — ночью или на закате. В ходе полевой работы мне не единожды приходилось сталкиваться с рассказами о внезапно ломающихся на перевале автомобилях, о женщине, которая голосует «на Чикете» ночью, а впоследствии исчезает из салона. В ответ на мои вопросы о причинах подобных событий собеседники иногда напрямую обращались к прошлому места. Объясняя, почему Чике-Таман может становиться, по выражению одной информантки, «аномальным» местом, они упоминали многочисленные жертвы среди строителей тракта — один из наиболее распространенных сюжетов устно-исторических нарративов о Чуйском тракте в Купчегене и окрестностях.

Среди работников рынка подобные рассказы возникали в контексте обсуждения страха остаться на перевале ночью. Мои знакомые объясняли свой страх тем, что на построенной «на крови» или «на костях» дороге ночью можно услышать «голоса и шумы». Некоторые рассказывали также о проходящих по старому участку колоннах заключенных с кирками и лопатами. Таким образом, нарративы о нечеловеческих агентах, которые встречаются водителям, ночным «сторожам»⁹ или случайно остановившимся ночью на перевале путешественникам, актуализируют память о прошлом места. Прошлое, запечатленное в материальности дороги и воспроизводимое в рассказах о ней, участвует тем самым в регулировании времени пребывания на перевале, определяя, какие места и в какое время требуют особой осторожности.

«Священная гора»: запреты и предписания. Возвращаясь однажды из ближайшего к перевалу села, Хабаровки, в Купчегень, где я жила во время экспедиции, я вышла на дорогу и привычным движением вытянула в сторону правую руку. Довольно быстро остановилась «Лада» с кодом республики, водитель которой согласился подвезти меня «до Купчегеня». Мы ехали молча, потому что водитель громко слушал музыку: ее было бы сложно перекричать. Он выключил аудиосистему, когда мы проезжали то место, где начинается съезд с асфальтированной федеральной дороги на старый грунтовый участок, проходящий через перевал. Некоторое время мы молчали. Вновь аудиосистему мой случайный попутчик

⁸ Слово *көрмөс* я использую здесь с осторожностью: мой материал не позволяет проследить значения этого слова в разных контекстах, так как я беседовала с информантами исключительно по-русски, и в рассказах о встречах с пугающими существами они нередко вообще не называли действующего агента, связывая произошедшее с особой природой места. Антрополог Л. Брож указывает на связь *көрмөс* в представлениях его информантов с определенными опасными локусами, в том числе с горными перевалами и другими местами, где совершаются подношения духам-хозяевам [Broz 2024: 96–97].

⁹ Практика ночных дежурств связана с необходимостью самостоятельно охранять торговые точки и оставшийся в них на ночь товар от воров и вандалов.

включил сразу же после того, как мы проехали место, где старый участок снова выходит на современный Чуйский тракт. Затем водителю позвонили, а я воспользовалась парой секунд тишины после звонка, чтобы попросить высадить меня на остановке и спросить, зачем он выключал музыку. Водитель сказал, что то, что мы проехали — это «священная гора» и что мужчина также должен снимать головной убор (услышав об этом, я вспомнила, что во время поездки через перевал водитель действительно снимал кепку). Я уточнила, зависело ли место выключения и включения аудиосистемы от того, где оказывались съезды на старую дорогу. Он ответил, что музыку выключают «вообще», на протяжении всего перевала, то есть едва ли возможно точно определить, где проходит граница, за которой начинается и заканчивается это пространство, предполагающее особые правила поведения.

Практически все местные жители, которым я задавала вопрос о запретах на перевале, отвечали, что в этом месте нельзя шуметь (кричать, петь, включать музыку), оставлять мусор, писать или рисовать на скалах. Перевал нередко определяли как *святое* или *священное* место, что может соотноситься с описанными этнографами практиками оставления на перевалах (наряду с «переправами, целебными родниками, местами сбора веток арчына») подношений *хозяину Алтая (Алтайдын ээзи)* [Тюхтенева и др. 2006: 430]. В процессе полевой работы вопрос о том, к кому обращаются за благословением, оставляя подношение, оформился как намного более сложный: говоря о *хозяине* или *духе Алтая*, мои информанты могли упоминать также находящихся на перевале *духов* (во множественном числе) или *хозяина* конкретного перевала (иногда давая ему имя самого перевала, *Чике-Таман ээзи*). Обозначенные запреты в представлениях некоторых моих собеседников тесно связаны с этими участниками происходящих на перевале взаимодействий: дух или духи могут рассердиться на шум, нарушение правил проведения обряда или несоблюдение чистоты и наказать нарушителя.

Важно при этом подчеркнуть, что разные формы религиозной, а также этническая принадлежность моих информантов (местных жителей) не являются определяющими факторами в вопросе соблюдения запретов. Так, рассказать о том, чего на перевале делать нельзя, может, как мне представляется по завершении полевой работы, любой работник сувенирного рынка. Различия начинаются там, где проходит граница между простым соблюдением (или попытками соблюдения) запретов и обрядностью. Другими словами, о том, чего делать нельзя, знают все работники, а вот о том, что делать необходимо или желательно, вступая во взаимодействие с местом, рассказывают по-разному, также по-разному встраивая собственные представления о перевале в свою рабочую практику.

Обрядность на перевалах: кыйра. В качестве одного из центральных элементов связанной с перевалами обрядности этнографы описывают привязывание *кыйра* (или *жалама*) (см., например, [Тюхтенева и др. 2006: 239; Halembe 2006: 74-75; Broz 2024: 100-101]). По моим наблюдениям, привязывание кыйра наиболее частая и «видимая» практика, связанная с Чике-Таманом как местом почитания. Белый — основной и «универсальный» цвет кыйра: белые ленты, как сообщали мои собеседники, можно привязывать во всех случаях. Выбор лент других цветов (желтого или голубого) может быть обусловлен сезоном, в который проводится обряд. Также далеко не все мои собеседники в числе возможных цветов называли зеленый.

Кыйра привязывают в ограниченном наборе случаев: когда проезжают перевал впервые, на разных этапах свадебного обряда, если путь пролегает через перевал (в день сватовства, регистрации брака или при поездке на *белкенчек* — свадьбу в доме невесты), в случае возвращения после долгого отсутствия и в ходе других особенно значимых поездок (например, на предстоящее лечение). Привязывают кыйра исключительно на растущую луну. Нельзя привязывать кыйра других цветов (в особенности черного или красного), на убывающую луну, на закате или после захода солнца. Нарушение правил проведения обряда может представлять угрозу для нарушившего, вплоть до угрозы его жизни. В частности, я дважды записывала рассказ о людях, которые оторвали от платка ткань черного цвета и привязали ее на перевале, вскоре после чего один из них погиб в ДТП, проезжая Чике-Таман.

Туристы, гиды и местные: право интерпретировать пространство

Этот раздел посвящен первому из двух конфликтов, которые я обозначила во введении к части, — конфликту между представлениями о перевале как «священном» месте и практиками туристов, незнакомых с ограничениями, которые накладывает на человеческую деятельность особый характер пространства, или привозящих практики «с собой» из других мест. Способы разрешения этого конфликта связаны с теми ролями, которые играют работники рынка и гиды во взаимодействии туристов с пространством перевала. Если первые «следят за порядком» и апеллируют к своему статусу носителей традиции, то вторые оказываются посредниками, которые могут как становиться причиной указанного конфликта (с точки зрения местных жителей), так и участвовать в его разрешении.

Практики туристов. Останавливающиеся на перевале туристы иногда привязывают что-то (здесь вариативность огромна: от атласных лент любых цветов до предметов гардероба, целлофановых пакетов и влажных салфеток) как в специально оборудованных для привязывания кыйра местах, так и на растущие на перевале деревья. Под специально

оборудованными местами я подразумеваю две небольшие зоны по обе стороны от тракта в некотором отдалении от рынка. В них установлены невысокие деревянные столбы, напоминающие коновязи. Между двумя такими столбами натянуты по две веревки — сверху и снизу. На эти веревки и привязывают обрядовые ленты.

Место, специально оборудованное для привязывания кыйра (при движении по тракту в сторону Горно-Алтайска)

Предметы, привязанные туристами

В ряде случаев практики туристов — это очевидная попытка подражать обряду: видя множество привязанных лент, они стремятся воспроизвести практику. Так, однажды наблюдая за местом для привязывания кыйра, я услышала разговор, произошедший, как я предполагаю, между членами одной семьи. Из припаркованной на обочине машины с номером одного из западносибирских регионов вышли мужчина, женщина и двое детей. Прежде чем направиться в сторону рынка, они на несколько секунд задержались на обочине, рассматривая ряды развевающихся на ветру лент, после чего женщина огорченно сообщила, что они «не взяли с собой ничего привязать-навязать». В этом случае наличие лент само по себе, по-видимому, становилось для туристов указанием на то, что так принято делать в этом месте, хотя знание связанных с практикой правил отсутствовало.

Другой случай — это привнесение в пространство перевала существующих туристических практик, в частности, привязывания лент или складывания из камней башенок с целью исполнения загаданных в этот момент желаний. По словам туристов, которых я спрашивала о назначении таких сооружений, загаданное желание исполнится, когда башенка разрушится под воздействием естественных причин (например, ветра).

Башенка из камней вблизи смотровой площадки на вершине Чике-Тамана

Однажды я беседовала на перевале с гидом, женщиной лет 35¹⁰, сопровождавшей в поездке по Чуйскому тракту большую туристическую группу. Во время нашего разговора к моей

¹⁰ Эта моя собеседница несколько лет назад переехала в Республику Алтай из другого региона, «отучилась на гида-экскурсовода» в Горно-Алтайском университете и стала сопровождать туристические группы.

собеседнице подходили туристы и спрашивали о дальнейшем маршруте, ближайших планах, растущих на перевале травах. Среди этих вопросов оказался и вопрос о назначении сооружений из составленных друг на друга камней:

Туристка: Скажите, пожалуйста... вот на скалах такие фигурочки составляют, эти... камешек на камешек. В карельской культуре... вот такие тоже везде в Карелии у нас стоят, и это вот, если ветер раздует, значит, твоё желание сбудется. Вот недавно были в Адыгее, у них строят это как маяки: куда идти, куда путь держать. А здесь как это, что это?

Гид: Здесь вот люди, которые съездили в Карелию, куда-то еще, приехали... У алтайцев нет такой культуры создавать какие-то башенки, домики. То есть здесь вообще культура максимального невмешательства...

Туристка: В природу.

Гид: ...в природу, да. То есть мы всегда просим тоже там особо пирамидки не строить. Ну, они достаточно портят внешний вид, и вообще нет ничего лучше, чем придумала сама природа. А пирамидки — это у нас вот явление последних пяти лет такое, массовое.

Приведенный фрагмент разговора, помимо указания на один из вариантов возникновения этой практики на Алтае, также отражает стратегии регулирования поведения туристов со стороны гидов. Несколько ранее, отвечая на мой вопрос о том, как она объясняет туристам, почему нельзя привязывать «ленточки», гид рассказала, что «немножко погружает в культуру» по ходу экскурсии:

Гид: ...обязательно объясняю про ленточки, почему не вяжем, почему не шумим, почему не мусорим. При всём том, что у нас нет ни одной мусорки ни на одном перевале. Почему и как вообще себя в мире ощущают алтайцы и почему так важно проявить уважение к другой культуре. [...]

МА: Как Вы объясняете туристам, почему нельзя, например, повязывать те же ленточки?

Гид: Объясняю, что повязывание ленточек — это одно из... один из ритуалов культуры, да, и веры алтайцев. Очень грубо сравниваю со свечкой в церкви, чтобы людям было наглядно, понятно. И объясняю, что для местных жителей это... ну, такой моветон, да, когда люди чужой веры ради развлечения или каких-то других, иных причин повязывают ленточки. Ну и плюс это дополнительная антропогенная нагрузка, мусор, некрасиво.

Таким образом, гид выступает в роли того, кто объясняет или даже «переводит» чужую культуру, но вместе с тем она обращается к другим категориям: этическим, эстетическим или экологическим. Эта множественность способов объяснить запрет похожа на те стратегии, которые применяют в подобных контекстах работники рынка. Однако если последние, как я продемонстрирую далее, опираются на свой авторитет носителей традиции, то гид занимает промежуточную позицию: она и объясняет культуру, и одновременно переводит ее на понятный приезжим язык в соответствии с собственными представлениями и о запретах, и о туристах.

Право на знание о месте и регулирование отношений с ним. Выше я привела два примера туристических практик, которые вступают в конфликт с представлениями местных жителей о допустимом и недопустимом поведении на перевале. Как в формирование, так и в разрешение этого конфликта вовлечены не только непосредственно туристы и местные, но и, как видно из примера выше, гиды¹¹, сопровождающие организованные группы. Среди работников рынка распространено представление о том, что именно гид может становиться инициатором описанных практик, в том числе приводящих к нарушению запретов или правил проведения обряда:

[В контексте рассказа о том, что привязывать кыйра необходимо на восточной стороне перевала.] А туристы же очень много раньше вешали. Теперь они уже перестали. Ну, там, некоторые вешали. А они вот в любую сторону. Потом, говорят: «Это же не положено». Им объясняем. Они теперь, я смотрю, они уже не стали. Редко кто вот об этом не знает. А раньше вот что-то им то ли эти гиды, которые не знают, которые, ну, с другого края, они же не знают, они говорили: «Вот надо повязать ленточку», — я вот слышала тогда, — надо, чтоб желание исполнилось, если вы хотите еще раз приехать». Я говорю: «Вот вы что что попало говорите людям-то? Это же религия». А сейчас вот они хорошо, вот эти экскурсоводы, ну, некоторые объясняют, что этого делать нельзя (ж., ок. 40 лет, алтайка, работница рынка на Чике-Тамане, учитель в сельской школе).

В этом рассказе также важно, что работница рынка различает гидов в зависимости от их принадлежности культуре и территории: эта же собеседница, упомянув, что к нарушению правил приводят действия экскурсоводов «с другого края», рассказала мне о своем знакомом гиде-алтайце, который учит туристов «правильно» привязывать кыйра. Для работников рынка оказывается принципиально важным утверждение своего права на знание о месте, интерпретацию пространства и, соответственно, регулирование взаимодействия с ним «чужих». Утверждение этого права, как я более подробно показываю в следующем разделе, тесно переплетено с представлениями о праве на использование земли на перевале, которые легитимируют экономическую деятельность.

Во время одного интервью с работницей рынка, алтайкой, к нашему разговору подключились также другие работники — семейная пара, недавно переехавшая из

¹¹ На мой взгляд, между работниками рынка и гидами существует негласная конкуренция за право интерпретировать пространство перевала и транслировать знание о нем туристам. Работники рынка нередко сетовали в интервью, что гиды сообщают туристам «полную ерунду». Однако возмущение или несогласие, за исключением описанных случаев нарушения запретов, работники рынка, по моим наблюдениям, обычно не выражают. Более того, гидов и некоторых продавцов связывают практики обмена: гиды привозят на перевал туристов, нередко приводя группы к знакомым продавцам. Так одна моя информантка обменивает «рекламу» ее торговой точки на товар — чай и халву. Тем не менее в случае прямого запроса работники рынка охотно отвечают на вопросы туристов о запретах, правильном проведении обряда и прошлом места. Таким образом, для путешествующих в составе групп основными «знатоками места» становятся гиды, тогда как для самостоятельных туристов, путешествующих с семьями или друзьями, эту функцию скорее выполняют работники рынка.

Центральной России и работающая на перевале первый сезон. Эти мои собеседники ранее продавали товары собственного производства (изделия из натуральных камней и свечи) в одном из «мест силы» в европейской части страны, а летом 2025 года арендовали торговую точку на Чике-Тамане.

МА: Вы еще сказали, что нельзя камни трогать. Я правильно поняла?

Инф. 1: Ну, у нас как бы камни перекладывать с места на место просто так незачем. Ну, нельзя его, я думаю, так. Нельзя трогать. Где лежал — пусть там лежит. Вчера мы одному гостю объясняли. Он говорит: «Мы такие складывали камни. Где они? Кто их убрал?» Я говорю: «А, во-первых, зачем вы их там складывали, для какой цели, для чего?» — «Ну, нам гид сказал, что можно так сложить». — «Вашему гиду... [...] Вашему гиду, — говорю, — двойка» (ж., 46 лет, алтайка, работница рынка на Чике-Тамане).

Инф. 2: Это дольмены — то, что складывают?» (М., 30 лет, русский, работник рынка на Чике-Тамане.)

Инф. 1: «Вашему гиду, — говорю, — двойка. Тем более на перевале, — говорю». Это делают люди, знаете... может, балуются или просто для красоты. А так это в древние времена воины, когда шли на войну, они, когда выезжали со своей родины, они каждый положил камень. Обоо называется. Потом, когда возвращается, каждый камень забирает. И оттуда смотришь: сколько погибло, сколько не вернулось. А тебе зачем вот там эти камни друг на дружку складывать?

Инф. 2: А их на желание еще, говорят. Типа дольмены вот эти складывают, выкладывают. И если он упал, значит, желание исполнилось.

Инф. 1: Да ну ты. Я тебе говорю, вот как есть в истории. Мы такие... Я отродясь так камни не складывала. Я здесь живу 45 лет. 46. Ни одна бабушка, прабабушка этого не говорила. Ни дедушка, ни прадедушка. Про желания, про камни. Это всё сказки.

В этом диалоге сталкиваются две интерпретации одной из туристических практик: та, которая актуальна для переехавших из Центральной России работников, чья деятельность на протяжении нескольких лет тесно связана с «духовным» туризмом, и та, которую предлагает местная жительница. Последняя апеллирует не к потенциальной опасности для нарушителя, а к знанию, которое отличает «своих» от «чужих», привозящих «сказки» и чуждые месту интерпретации. Соображение, что она всю жизнь живет здесь и опирается на переданное ей в локальном контексте и укорененное в представлениях о прошлом знание, и определяет право интерпретировать пространство и регулировать отношения с ним.

Обсуждая с одной из своих информанток информационный щит, с описания которого я начала эту часть отчета, я столкнулась с тем, что некоторые практики туристов, пусть и существенно отличающиеся от религиозных практик местных жителей, могут интерпретироваться как не нарушающие границ допустимого:

МА: Если людей нужно предупреждать, что нельзя чего-то лишнего привязывать, значит, видимо, привязывают?

Инф.: Ну, смотрите, да, у нас есть такие... такая традиция, которая... когда просим благословение у природы, допустим, у духов гор. [...] Люди приезжают, если обратите внимание, с той стороны, видели, да?

МА: Да. [Речь о месте для привязывания кыйра на противоположной стороне тракта.]

Инф.: Белые ленточки. Я иногда наблюдаю: есть какие-то определенные группы... именно те люди, которые знают, зачем они сюда приехали. Отсюда [из торговой точки моей собеседницы], ну, хороший обзор, там видно, они все просто вот садятся на землю, как-то, не знаю, пытаются соединиться с природой, вот это вот все. Ну такая традиция, надо вот приехать и попросить благословения, потому что так надо (ж., ок. 35 лет, алтайка, работница рынка на Чике-Тамане).

Моя собеседница, таким образом, легко вписывает «тех людей, которые знают, зачем они сюда приехали» в контекст собственной онтологии и собственных представлений о правильных и неправильных формах взаимодействия с пространством, у которого необходимо просить благословения. Позже она противопоставляет тех, кто «пытается как-то воссоединиться с землей», принимает «какие-то позы лотоса», тем, кто хочет «тупо завязать туалетную бумагу». Для работников рынка принципиально соблюдать запреты и правила проведения обряда, но ряд даже на первый взгляд «чуждых» практик они считают допустимыми, если те вписываются в интерпретацию пространства, которую они разделяют.

В приведенных рассказах о повседневных взаимодействиях с туристами работники рынка выступают в качестве основных акторов, способных повлиять на конфликт между характером места и туристическими практиками. При этом мои собеседники практически всегда подчеркивали собственную агентность: взаимодействие между туристами и местными жителями и туристами и пространством перевала способно меняться, результат прикладываемых усилий очевиден, на ситуацию возможно повлиять собственными силами. Эту рефлексию о собственной роли работники рынка распространяют и на другие аспекты «поддержания порядка» — например, на исчезновение надписей, которые туристы раньше оставляли на скалах. В предыдущие несколько лет надписи закрашивались «стальной краской» местными жителями и приезжающими волонтерами (участниками проекта «Чистый Алтай»). В этом году волонтеры не приезжали, и надписи на скалах остались лишь в самых отдаленных частях перевала — как правило, на старом участке дороги. Таким образом, в представлениях работников рынка регулирование поведения в пространстве перевала требует постоянных усилий, и мои собеседники воспринимают себя как тех, кто эти усилия прикладывает.

Языки запретов. В рамках повседневных взаимодействий с туристами работники рынка, как следует из моих полевых материалов, регулируют обозначенный конфликт двумя основными способами, апеллируя к разным категориям.

С одной стороны, нарушение запретов или правил проведения обряда может повлечь за собой наказание. Иногда в рассказах об этих наказаниях или о том, в каких случаях кто-то может их понести, агент конкретен — это дух или духи, но чаще он не называется: нарушение и последующее наказание связываются исключительно с помощью нарратива. При этом наказание понесет именно тот человек, который запрет нарушил:

МА: А не знаете, кто установил, ну, вот эту конструкцию со столбиками и специальными веревками, натянутыми для кыйра?

Инф.: Ой, меня тогда не было, не знаю, кто устанавливал, но, наверное, хорошие люди это сделали, придумали. Чтобы вот так вот по деревьям везде, чтоб что попало не привязывали, потому что туристы приезжают и свои носовые платки вешают, чуть не трусики. Короче, и носки висят, короче, что попало понавешают. И тряпки вот эти, которые... руки вытирают, машину от мази, от всего вот этого, тоже рвут, вешают. Я говорю: «Это наоборот вредно, потому что духи же сердятся. Нельзя». Поэтому и случается по дороге что-нибудь у них.

МА: С теми, кто вот это делает?

Инф.: Да, да, да, что это делают. А они это не замечают (жс., ок. 55 лет, работница рынка на Чике-Тамане).

В этом случае, на мой взгляд, речь идет о способе говорения с приезжим, предполагающем предупреждение его о существующем риске и помещение его в рамки собственных представлений о безопасном и небезопасном поведении, сообщение ему своего рода техники безопасности.

Другим способом выстроить этот диалог, а также объяснить распространение запретов на туристов мне как исследователю становилась апелляция к этическим категориям: нарушить запрет — нанести оскорбление местным жителям или проявить к ним неуважение. Необходимость соблюдения запретов связывается не с безопасным и небезопасным для самого человека поведением, а с этичным и неэтичным по отношению к другим, влияющим на отношения между ними лично и теми группами, с которыми говорящий связывает участников потенциального конфликта. Обнаружив на веревках для привязывания кыйра незнакомые мне элементы — буддистские молитвенные флаги, я показывала их фотографию разным знакомым на перевале и спрашивала о происхождении этих флагов. Одна моя информантка объяснила их появление «неуважением», которое проявили проезжающие по тракту монголы, вписав в ряд других нарушающих запреты и предписания практик:

Инф.: Это монголы сделали. У нас такое нельзя.

МА: Прямо нельзя?

Инф.: Да. У нас разрешается вот белая ленточка, голубая, жёлтая, зелёная. Вот цвета, которые означают голубая — небо, зеленая — трава, желтая — солнце, белая — вера, чистая. Есть люди, которые вот так оскверняют наше... Это неуважение. Я прих... приезжаю в Монголию — разве я буду так делать? Я не посмею это сделать. Осквернить чужой храм. Есть туристы, которые просто могут носки повязать, платок свой носовой, который с соплями. Было время во время пандемии — маски повесят. Ну что попало. Могут трусы. Это зависит от... воспитания человека (ж., 46 лет, алтайка, работница рынка на Чике-Тамане).

Буддистские молитвенные флаги

Таким образом, говоря о конфликте между практиками туристов и перевалом как пространством, отделенным рядом запретов и предписаний, мои собеседники из числа работников рынка прибегают к двум основным стратегиям. Они либо апеллируют к тому, что нарушение запрета может оказаться опасным для нарушителя, либо к тому, что таким образом тот проявит неуважение и осквернит чужую святыню. Важно, что это не взаимоисключающие способы сообщить о запрете: возможное наказание за нарушение не отменяет того, что это нарушение окажется оскорбительным для тех, кто связывает пространство перевала с собственной религиозностью и разделяет представления о его особом характере. При этом оба способа сообщения о запрете могут использоваться одним и тем же человеком. Другими словами, эти способы регулируют не только отношения между приезжими и связанными с перевалом нечеловеческими агентами, но и приезжими и местными.

Стратегии легитимации экономической деятельности на перевале

Ближе к концу экспедиции я познакомилась на Старом Чикете с Инной¹² — женщиной лет 35, которая работала на перевале первый год и держала точку с выпечкой в самом конце рынка, на обочине старой дороги. Инна 15 лет проработала учительницей начальных классов, но ушла из профессии. По ее словам, она устала, взяла отпуск без содержания, а потом вслед за сестрой начала работать на Чике-Тамане: «Ну, я поняла, что в школе уже делать нечего. Там уже одно и то же. Как бы [быть] зависимой от государства уже надоело». Инна любит ездить за рулем и стремится заработать, чтобы вернуть взятый на машину кредит. В первый же рабочий сезон Инне приходилось объяснять туристам, что на перевале нельзя шуметь:

МА: Как объясняли туристам, почему нельзя шуметь?

Инф.: Я объясняла, что здесь шуметь нельзя. А они, наверное, сами понимали, что они находятся на перевале. Перевал — это, да, священное место как бы, я вот, когда на машине поднимаюсь, я обязательно в начале перевала отключаю музыку. Ну я как бы... Ну, тут тоже у нас спор был с дядькой мужа. С сестрой мужа поднимались, тоже потише сделала, он типа: «Ну да, смотри, базарное дело, а тут типа соблюдаешь». Я говорю: «Ну, я считаю, что каждый сам по себе соблюдает, вот этот...» [...] Я не думаю, что я здесь что-то плохое делаю. Торгую, да? Я же просто... как обмен — то, что тут происходит, получается, как и раньше было. Обмен товарами, да? Обмен деньгами, товарами. Ну мы же не танцуем, не поем. Мы не пьем, не гуляем, никак не веселимся. Не просто так. Всем охота как-то выживать (ж., ок. 35 лет, алтайка, работница рынка на Чике-Тамане).

Рассчитывая добавить очередную деталь к картине того, как работникам рынка приходится переводить собственные представления о месте на понятный для приезжего язык, я далеко не первый раз столкнулась со своего рода «оправдательным» нарративом. Мои собеседники в разговоре часто так или иначе стремились легитимировать свою работу на перевале. При этом важно, что адресатом таких посланий не всегда был «чужой» в лице туриста или интервьюера: как видно из приведенной выше цитаты, зачастую оправдывать и легитимировать собственную деятельность моим информантам приходится в глазах «своего» — родственника или односельчанина. Поэтому интервью часто становились ситуацией, обнаруживающей связанные с этим конфликты.

Легитимируя свое присутствие на перевале и торговлю как в нарративах, так и в практиках, работники рынка обращаются к разным легитимирующим инстанциям. К органам власти (на различных ее уровнях), контролирующую функцию которых они отчасти берут на себя. К представителям местного сообщества, обеспокоенных возможным разрушением или

¹² Все имена в тексте отчета заменены псевдонимами.

осквернением священного места. И, наконец, к хозяевам этого места (названным или неназванным), присутствующим в этом пространстве. В этом разделе я стремлюсь не только описать те стратегии, к которым прибегают работники рынка для легитимации торговли на перевале, но и обратить внимание на то, кто для моих собеседников оказывается воображаемым адресатом в этой коммуникации: с кем они вступают в диалог в объяснениях, оправданиях и утверждении собственных прав.

Экономическая необходимость. «Почему вы решили начать торговать?» или «Как вы начали здесь работать?» — вопросы, которые я старалась задавать на рынке всем своим информантам из числа работников. Обозначенные легитимирующие нарративы часто, хотя и далеко не всегда, звучали в ответ именно на эти вопросы: довольно быстро у меня сложилось представление о торговле как о вынужденном занятии, которое обеспечивает некоторым семьям в Онгудайском районе средства к существованию. Однако при более внимательном взгляде эта картина усложняется: за общим аргументом о «выживании» и экономическими соображениями стоят разные стратегии легитимации, связанные с возрастом, профессиональным бэкграундом и местом торговли в жизни информантов.

Показательно, что слова «торгаш» или «торгашка» встречались мне в речи информантов — как в селах, так и на перевале — в качестве пейоративов. Работники рынка, относя это слово к себе или, напротив, стремясь отстроить от него свою идентичность («я всю жизнь в культуре, я не торгашка»), демонстрировали представление о торговле как о занятии менее одобряемом, чем другие. Мои собеседники старшего поколения — бывшие учителя, работники культуры — нередко стремились говорить со мной с позиций своей основной профессиональной идентичности. Для них торговля — необходимость, и они чаще других склонны легитимировать ее в категориях «выживания».

Представители более молодого поколения с похожим профессиональным бэкграундом (бывшие учителя, ушедшие из школы или потерявшие работу) также говорят о торговле как о вынужденном занятии, но с иным акцентом. Они увлеченно беседовали со мной о торговле, нередко с долей разочарования в том, как складывалась их профессиональная жизнь в школе. Рассказывая о своей работе, они не стремятся отстроиться от слова «торгаш» и не апеллируют к «выживанию». Вместо этого они говорят о конфликте между торговлей и запретами, связанными с перевалом.

Эта поколенческая разница, как я предполагаю, связана с представлениями о предпринимателях, сложившимися в постсоциалистический период. Так, например, Д. Канефф пишет о «стыде и гордости» работников сельского рынка в

постсоциалистической Болгарии в 1990-х гг. Для одной ее информантки, бывшей школьной учительницы, работа на рынке напрямую связана со стыдом, который относится не столько к самой торговле, сколько к противоречию между сложившейся в социалистический период профессиональной идентичностью и новой для нее экономической практикой. В то же время для другой, напротив, торговля становится источником гордости, так как оказывается связана с той частью профессиональной идентичности, которая характеризует ее как «трудолюбивую» и опирается на предыдущий опыт работы в сельскохозяйственном кооперативе [Kaneff 2002: 40–41]. Один из выводов, к которым приходит Д. Канефф, заключается в том, что причина контраста между эмоциями, которые испытывают две ее информантки в отношении собственной работы, коренится в их идентичностях, основанных на различных представлениях о труде, участии в одной форме производства и предпочтении ее другой: «Подобные идентичности, выражающиеся через участие в рынке, нагружены моральными подтекстами, корнящимися в идеологически значимых формах производства, обретающих смысл благодаря политико-экономическому контексту» [ibid.: 46-47]. Эта параллель позволяет подчеркнуть указанную разницу в рамках моего материала. Стратегии легитимации через категории «вынужденности» и «выживания», к которым прибегают представители более старшего поколения, позволяют предположить существование некоторой моральной иерархии профессий, тогда как представители более молодого поколения, имеющие похожий профессиональный бэкграунд, но в иных политико-экономических обстоятельствах, легитимируют свою деятельность с оглядкой на другие ценности и, как я предполагаю, в глазах представителей старшего поколения, к знанию которых они нередко апеллировали, рассказывая мне о запретах и обрядности.

Совершенно иную картину я наблюдала, общаясь со школьниками и недавними выпускниками школ и вузов. Они торговали либо как наемные работницы, либо помогая старшим родственникам. В их рассказах легитимирующие нарративы отсутствовали: этот вопрос попросту делегирован старшим, а сами они либо не видят противоречий между торговлей и местом, либо не чувствуют личной ответственности. Для них перевал — место встречи с друзьями, где можно общаться и «весело проводить время». Говоря об отношении к работе, они чаще других упоминали веселье и интерес.

Особую группу составляют работники, продающие собственный уникальный товар. Для них производство и реализация произведенного — основное занятие, которое становится предметом гордости. Так, например, Дмитрий Иванович, военный пенсионер лет 50, продает продукцию из мяса марала, цех по производству которой он основал вместе с партнерами. Василий Михайлович (ему около 60), один из первых продавцов на перевале,

начинал с самодельных рыболовных снастей, которые делает и продает до сих пор — у него есть постоянные покупатели по всей стране. Виктор, мужчина средних лет, продает сувенирную продукцию, о которой на рынке говорят: «Как у всех». Неподалеку от его киоска припаркована машина — «буханка», на которой размещена реклама экскурсий. Виктор намекнул, что знает больше старых дорог через перевал, чем все, с кем я до этого говорила, потому что он местный и работает на перевале много лет. Его уникальный товар — это особое знание о месте, недоступное, по его словам, многим другим, приезжим гидам. В таких случаях легитимирующие нарративы возникали в ответ на мой прямой вопрос о том, можно ли торговать на перевале, и строились вокруг качеств товара собственного производства, мастерства или знания о месте. Важно, что в этом контексте речь идет в основном о русских жителях сел Онгудайского района.

Выделенные в этом подразделе категории не охватывают всех работников рынка: на Чике-Тамане каждый из них оказался в силу своих причин и обстоятельств, для каждого это место составляет особую часть профессиональной биографии. Однако приведенные мной примеры демонстрируют, что ответы на вопрос о причинах торговли не ограничиваются очевидными экономическими мотивами. Для одних торговля становится способом обеспечить семью, для других — дополнительным источником дохода в период отпуска или после выхода на пенсию, для третьих — пространством общения и получения нового опыта. Наконец, для ряда работников, продающих произведенный ими товар или основанные на знании о месте услуги, торговля становится продолжением другой значимой деятельности и предметом профессиональной гордости. Именно поэтому легитимирующие нарративы, которые возникают в рассказах о том, как мои собеседники начали работать на перевале, не следует редуцировать до нередко звучащего в них аргумента о вынужденности и «выживании». Апеллируя к этим категориям, а также к интересу, мастерству или пользе для других людей, мои собеседники обозначают те ценности, которые позволяют им объяснить собственное присутствие в пространстве перевала и право на это присутствие.

Отношения с нечеловеческими агентами. Отношение к существованию на перевале рынка в республике (я подчеркнуто не говорю только об Онгудайском районе) неоднозначное: некоторые не вовлеченные в торговлю на перевале собеседники из двух близлежащих сел — Купчгения и Хабаровки — в разговорах со мной подчеркивали, что торговать на перевале нельзя, однако присутствие на Чике-Тамане рынка — уже свершившийся факт и неизбежное следствие прихода в регион массового туризма. И в селах, и на самом перевале попытки согласовать торговлю и характер перевала как *священного* места нередко осмыслились моими собеседниками в категориях прошлого и

настоящего и необходимости адаптироваться к «изменяющемуся миру». Экономическая деятельность, которая в любом случае будет вестись на перевале, который является популярной у туристов достопримечательностью, может легитимироваться через собственное знание о месте и о том, как выстраивать взаимодействие с ним и присутствующими на нем нечеловеческими агентами.

Важно, что легитимирующей инстанцией в случае с этой стратегией выступают не только другие, не вовлеченные в торговлю представители местного сообщества, но и духи-хозяева места. С легитимацией торговли по отношению к ним связан ряд практик. Например, одна из моих информанток перед началом торговли оставляет подношение духу-хозяину места — привязывает кыйра или оставляет «копеечку»:

МА: А в каких случаях вы привязываете [кыйра] здесь? И привязываете ли вообще? На Чике-Тамане?

Инф.: Ну, знаешь что? Да. Мы привязываем, мы все делаем. Мы когда вот приезжаем, как... прежде чем тут работать, мы тоже привязываем, тоже просим все вот это благословение от гор. Например, вот Чике-Там... Чике-Тамана просим, чтоб все было хорошо. Чтоб ничего такого не было, чтоб все было тихо, чтоб... Ну, короче, каждый, ну, каждый по-своему, конечно, это все просят. Или же, например, ленточки нету — можно копеечку. Ну, я копейку кладу, потому что ленточки — везде их привязывать тоже на... это... В одном месте только привязываем, там. А так раньше и тут привязывали, сейчас все убрали, потому что деревья от них сохнут (ж., ок. 55 лет., алтайка, работница рынка на Чике-Тамане).

Эта моя собеседница, если ей некогда привязать кыйра в специально оборудованном месте или если она «что-то постряпала», иногда кладет еду под березу рядом с ее торговой точкой — «угощает духов». По ее словам, благословения просят также «сторожа» — уже упоминавшиеся ночные дежурные, которые, оставаясь на перевале на ночь, нарушают запрет. Они просят хозяев места о том, чтобы «была тишина, чтобы всё хорошо прошло». При этом «просить благословения» — это, как заметно даже из приведенного выше фрагмента интервью, не одна конкретная практика, а набор возможных вариантов. Такая легитимирующая торговлю просьба о благословении может представлять из себя мысленное обращение к месту: «Всё равно, каждый так или иначе внутренне, либо как-то перед уходом благодарит это место вот за способ заработка в таком месте» (ж., ок. 35 лет, алтайка, работница рынка на Чике-Тамане).

Для одного из моих информантов, который во время нашего разговора назвал себя русским и православным, также актуальны представления о запретах и предписаниях, связанные с определенными местами, в том числе с Чике-Таманом. Василий Михайлович, увлекающийся поиском минералов, рассказал о том, как он оставляет подношения и просит

«у горы», чтобы та открыла ему место, где искомые камни выходят на поверхность. После этого рассказа я спросила, нет ли у него похожего «правила», связанного с Чике-Таманом:

Смотри: перед началом сезона, допустим. Ну как тебе объяснить? Конечно, есть. И у горы просишь благословения на торговлю, но и в церковь идёшь тоже обязательно. Новые начинания, новые дела — всё равно там. Как говорится, это всё делаешь, обряды там. И в церкви, и здесь. Одно другому не мешает (м., ок. 60 лет., русский, работник рынка на Чике-Тамане).

Возвращаясь еще к одному адресату легитимирующих стратегий — другим представителям местного сообщества, — упомяну также, что в некоторых интервью (немногочисленных, нужно сказать) речь шла о конкретной группе — тех, кого мои информанты называют ак-жановцами. Это активисты бурханистского религиозного движения (в этом случае — конкретно из Онгудайского района), сопротивление которых отчасти и могло привести, на мой взгляд, к оформлению легитимирующих нарративов:

МА: Были ли какие-нибудь противоречия, связанные с открытием рынка?

Инф.: Нет, смотри, я тебе так объясню. Претензий что от сельской администрации, что от Онгудайской администрации у нас никаких не было. Разногласий с ними не было. Потому что народ, понимаешь, — он зарабатывает деньги. Он кормит семью. [...] Ну, были такие люди, знаешь, называются ак-жановцы. Которые были против, чтобы на перевале, типа... Тут, типа, туристы останавливаются, гадают. Знаешь, я тебе скажу так: они и без нас тут гадают. И очень сильно. Нас здесь не будет — тут всё загадают, понимаешь? Мы хоть тут уборкой занимаемся, всё это как-то подчищаем, всё равно мы следим за этим перевалом. Не будет нас — перевал загнётся (м., ок. 60 лет, русский, работник рынка на Чике-Тамане).

Таким образом, представления работников рынка о себе как о тех, кто «следит за порядком», устроены достаточно сложно и не могут быть редуцированы до однозначного помещения в контекст религиозности или поддержания «физической» чистоты пространства. Легитимация торговли перед нечеловеческими агентами — это набор практик: от привязывания кыйра и оставления монет до мысленной благодарности и просьбы о благословении. Эти практики позволяют работникам рынка утверждать свое присутствие на перевале не только перед людьми, но и перед духами-хозяевами места, а также разрешать конфликт между экономической необходимостью и ограничениями, связанными с особым характером пространства. Показательно, что эти стратегии не исключают, а дополняют другие способы легитимации: обращение к духам может сочетаться в нарративах с защитой от критики со стороны других представителей местных сообществ.

Культура и история: торговля как способ сохранения «самобытности». В период сбора материала мне не раз случалось сталкиваться в разных частях поля со слухами о возможном захвате земель «олигархами». Особенное значение эти слухи приобрели в сообществе работников перевала в связи с проведением реформы системы местного самоуправления.

Для моих информантов, работающих на Чике-Тамане, реформа создала ситуацию неопределенности, когда они не знали, смогут ли сохранить за собой право пользоваться своим киоском в следующем туристическом сезоне. Многие опасались, что с ликвидацией сельской администрации ее полномочия по сдаче земли в аренду перейдут к муниципальному округу, который будет распределять участки посредством аукциона. По некоторым предположениям, муниципальные власти в большей степени, чем местные, подчинены правительству республики, которое может предпочесть крупных инвесторов местным жителям.

Эти опасения нередко актуализировались в рамках легитимирующих нарративов. Показателен в этом смысле переход в одном из интервью от разговора о практиках, позволяющих легитимировать торговлю перед лицом нечеловеческих агентов, к «проблеме» всего Алтая:

Инф.: Сейчас у нас очень такая проблема на Алтае, когда ну... миллиардеры скупают земли и строят здесь, не зная всего, начинают здесь строить какие-то развлекательные, не знаю...

МА: Казино?

Инф.: Казино, клубы, и мы боимся, что если не мы здесь, то есть мы, которые знаем что-то, что надо соблюдать, то придет тот, кто здесь построит нечто другое, которому вообще наплевать на все. Поэтому мы как-то пытаемся все равно сохранить вот эту самобытность (ж., ок. 35 лет, алтайка, работница рынка на Чике-Тамане).

В этой части нарратива я склонна видеть имплицитно присутствующее опасение, намек на возможные угрозы, связанные с потенциальным захватом земли на перевале людьми, незнакомыми с запретами и не соблюдающими их. Мои информанты никогда в разговоре со мной не формулировали запрет в виде формулы «если [конкретное действие], то [конкретное наказание]». Последствия нарушения запретов возникали лишь в виде интерпретации уже произошедших несчастных случаев.

Примечательно, что моя собеседница, Алтына, совершает довольно резкий переход от утверждения собственной роли посредницы в отношениях с нечеловеческими агентами к вопросу сохранения «самобытности». При этом угроза, которая стоит за ситуацией, когда земля окажется занята условными «миллиардерами», не так однозначна. Алтына связывает собственную роль носителя культуры не столько с возможностью устанавливать безопасные отношения с нечеловеческими агентами на перевале, сколько с сохранением «самобытности» — возможностью закрепить за перевалом те практики, которые она соотносит с собственной этнической и религиозной принадлежностью:

Ну... допустим, конкретно если этот перевал брать, то сюда приезжают именно свадьбы с близлежащих сел, которые именно проезжают это место. Регистрация у нас проходит в райцентре, то бишь с Ини [село в 70 км. от Онгудая] нужно ехать в Онгудай, естественно, ты пересекаешь перевал, ты просишь благословения у духа... у духов гор, что новый союз образуется, что он был благословением.

В контексте легитимации присутствия на перевале как возможности сохранить собственную культуру важно обозначить не только нарратив, но и практику. Алтына каждый день «меняет образы» и всякий раз стремится надеть какой-нибудь «национальный элемент»: обычно это жилет из числа тех, которые продаются на рынке, или серьги с орнаментом. Таким образом она «популяризирует» национальные элементы одежды. На мой закономерный вопрос, в чьих глазах происходит популяризация, она ответила, что делает это не для приезжих, а для местных, чтобы «молодое население» следовало ее примеру. Эта практика демонстрирует, что коммодификация этничности не сводится к презентации культуры внешнему наблюдателю и даже, в представлении Алтыны, не направлена на нее, выступая скорее в качестве формы сопротивления.

Если для Алтыны сохранение культуры связано в первую очередь с этнической и религиозной принадлежностью, то другие работники рынка, в том числе русские, могут легитимировать торговлю через обращение к культуре, понимаемой иначе. Показателен в этом смысле ответ другого информанта на мой прямой вопрос о том, можно ли торговать на перевале:

Тут, видите, этнический затрагивается вопрос. Святое место. [Подбирает слова.] Исторический вопрос меняется (м., ок. 50 лет, русский, работник рынка на Чике-Тамане).

Примечательно, что мой вопрос Дмитрий Иванович соотносит с этническими различиями, хотя я никак не апеллировала к «русскости» или «алтайскости»: для него это важно, и коммодифицированную культуру он вписывает не в этнические, а в территориальные рамки:

Вот раньше как бы туризма не было по большому счёту. Ну, все ездили в Сочи, за границу, там, да, то есть как бы были туристические агентства, работали и так далее. Сейчас, видите, исторически так всё сложилось и поменялось, что каждый регион, каждый территориальный орган стал исторически важным. Алтай свою культуру, своё наследие подносит, Хакасия — свою, Тува — свою. И любой, правильно? Согласитесь. И взять, допустим, даже центральную полосу: Нижний Новгород, Великий Новгород, Казань, Тула — да, простые города, но они тоже стали историческим памятником, историческим городом, да? Оружейным городом, да? То есть каждый город несет какую-то свою... ну, как сказать-то? Свою историю, связанную с чем-то, да. Вот.

Здесь, чтобы легитимировать торговлю, мой собеседник обращается к особой исторической «насыщенности» места. Вписывая перевал в ряд других столь же «насыщенных» мест, он

утверждает не просто легитимность, а необходимость торговли, которая репрезентирует «культуру» и осмысливается им не в контексте этничности, а в контексте памяти о прошлом.

Память о прошлом, таким образом, также служит основой для легитимирующей стратегии, правда, использоваться в этом ключе может по-разному. Например, Инна, с цитаты из интервью с которой я начала эту часть, описывает торговлю на перевале как «обмен деньгами, товарами», «как и раньше было». Тем самым она обращается к памяти о Чике-Тамане как об участке исторического торгового пути. Прошлое перевала становится для нее основанием для легитимации торговли в настоящее время.

Обращение к категориям культуры и истории оказывается гибким ресурсом легитимации торговли на перевале. При этом понимание того, что такое «культура» и «история», зависит от позиции говорящего. Во всех случаях культура и история служат обоснованием права на присутствие и деятельность, но само содержание этих понятий подвижно и зависит от того, кто и с какой целью к ним обращается. Это позволяет работникам рынка утверждать необходимость своего присутствия на перевале не только как экономическую, но и как культурную миссию.

Легальность и польза: диалог с государством. Еще одна стратегия легитимации торговли связана с подчеркиванием легальности собственного присутствия на перевале и пользы, которую приносит рынок. Если предыдущие способы разговора о торговле были обращены в первую очередь к местным сообществам, то этот направлен на государство и использует его собственный язык: язык налогов, законодательства и порядка.

Уже знакомый читателю Дмитрий Иванович, отвечая на мой вопрос о том, можно ли торговать на перевале, сначала говорит об «осквернении» и запретах, то есть остается в рамках уже описанного мной способа объяснять особый характер места. Однако затем нарратив резко меняется. Начиная говорить не о легитимности, а о легальности торговли, он переходит на язык, свойственный официальным документам — республиканским «программам» и «стратегиям». Мой собеседник подчеркивает, что все законодательные требования выполняются, налоги платятся, а само существование рынка решает проблему, которую обычно ставит перед собой государство: создает рабочие места.

[В контексте ответа на вопрос о том, можно ли торговать на перевале.] То есть осквернять нельзя, там, да, то есть, ругаться, материться, там. То есть то, что по канонам запрещено. Дак это и... административное наказание есть, не только, допустим, перед... духами, а и в законодательстве любом — и в административном, и в уголовном. То есть всеми нормативно-правовыми актами закреплено. А препятствовать вот этому я не вижу никакого смысла. И опять же появляются рабочие места. Вот посмотрите, сколько народу заняты. И заняты причем в своём... Они заинтересованы, им интересно, они... понимаете? Налоги платятся. То есть всё,

всё, всё — то есть все законодательные требования, там, налоговые и другое, это самое вот — всё выполняется. Что здесь плохого? (М., ок. 50 лет, русский, работник рынка на Чике-Тамане).

Подобные аргументы о «пользе» рынка также нередко звучали в контексте обсуждения роли работников как тех, кто «следит за порядком». Речь в данном случае и о поддержании порядка в сравнительно отдаленном месте, где государство в лице полиции и других контролирующих инстанций не присутствует постоянно, и об уборке территории, для чего недостаточны ресурсы муниципалитета. Таким образом, рынок отчасти делит некоторые функции с муниципальными службами, что в легитимирующих нарративах моих информантов становится еще одним аргументом в пользу его существования.

Показательно, что все эти аргументы — налоги, рабочие места, уборка мусора, поддержание порядка — обращены к государству как воображаемому адресату. В рамках интервью это попытка говорить с властью на ее языке — языке законности и социальной ответственности. В условиях правовой неопределенности, связанной с реформой системы местного самоуправления, такая стратегия приобретает особую важность: функционирование рынка на перевале его работники воспринимают не просто как неизбежное или допустимое с этической и правовой точек зрения, а необходимое, способное восполнить дефициты.

Таким образом, торговля на перевале в рассказах моих информантов предстает и как способ обеспечить средства к существованию, и как возможность «поддерживать порядок» на занимаемой территории, и как возможный путь сохранения и репрезентации собственной культуры (применительно как к этничности, так и к локальной идентичности жителей республики). При этом предметом легитимации оказывается не только сама торговля как экономическая практика, но и присутствие моих собеседников на перевале и особые режимы взаимодействия с пространством в условиях целого комплекса ограничений.

Легитимирующие нарративы и практики, обращенные к разным легитимирующим инстанциям, могут опираться на очень разные представления о том, что может служить основанием для использования пространства. Важно, что представления о легальности и легитимности не совпадают полностью. Хотя торговля на перевале Чике-Таман носит вполне «формальный» характер, значительная часть аргументов моих собеседников отсылает не к законности, а к представлениям о должном, морально оправданном и безопасном присутствии на этой земле.

Из высказываний моих информантов следует, что они не просто опасаются лишиться доступа к экономически значимому или «сакральному» ресурсу в связи с происходящими изменениями: их тревоги носят гораздо более глубокий характер. В силу особых отношений алтайцев с землей, места, у которых есть хозяева, невидимые или видимые лишь в особых «режимах восприимчивости» [Broz 2024: 175], находятся в сложном соотношении со всем Алтаем и его жителями. Как отмечает А. Халемба в попытке уточнить природу этой связи, «Алтай является центральным понятием в формировании алтайской идентичности. Место и люди настолько тесно связаны, что порой их невозможно представить как онтологически отдельные сущности» [Halembe 2006: 75]. В рамках этих отношений риск утраты права пользоваться землей или даже ее маленькой, но крайне важной и особенной частью, может восприниматься как экзистенциальная угроза.

Выводы

В рамках исследования повседневная жизнь перевала Чике-Таман была рассмотрена как результат взаимодействия множества человеческих и нечеловеческих акторов, включенных в различные режимы использования и регулирования этого пространства. К ним относятся работники сувенирного рынка и торговых точек с едой, жители ближайших сел, туристы, гиды и сопровождающие организованных групп, водители туристических автобусов, сотрудники и владельцы туристических баз, поставщики товаров, представители местной и региональной власти, а также нечеловеческие агенты — животные и духи-хозяева места, присутствие которых отражено в рассказах и практиках местных жителей. При этом степень вовлеченности этих акторов различается: одни регулярно находятся на перевале и участвуют в его повседневной жизни, другие появляются там эпизодически, однако также влияют на характер взаимодействий.

Работники рынка занимают в этой системе особое положение. С одной стороны, они являются участниками экономических отношений, связанных с туристическим потоком: продают товары и организуют питание, взаимодействуют с туристами и гидами, поддерживают связи с поставщиками и другими предпринимателями. С другой стороны, их работа на перевале встроена в календарный цикл хозяйственной деятельности жителей Онгудайского района. Торговля на перевале сосуществует с животноводством, ведением подсобного хозяйства, распространенными в районе практиками природопользования, работой в образовательных и других учреждениях. Для одних семей торговля выступает основным источником дохода, для других — источником дополнительного заработка или

продолжением другого рода занятости. Функционирование рынка связано с сезонными ритмами, семейными отношениями, мобильностью и распределением труда.

Торговля на перевале также включена в более широкие сети обмена. Она связывает туристический поток с поставщиками из других районов Республики Алтай, Алтайского края и Монголии, а также с гидами и другими участниками придорожной экономики. При этом торговлю на перевале сложно определить как неформальную экономическую практику: она включена в систему правового регулирования, налогообложения и административного контроля, работники зарегистрированы как индивидуальные предприниматели или самозанятые, используют договоры аренды и взаимодействуют с органами местного управления. Это становится одним из оснований, с помощью которых торговцы обосновывают свое присутствие на перевале, однако не исчерпывает всех способов его легитимации.

Анализ повседневных взаимодействий на перевале Чике-Таман во время туристического сезона позволяет выделить два пересекающихся конфликта. Первый возникает между туристическими практиками и представлениями местных жителей о перевале как об особом пространстве, пребывание в котором регулируется рядом запретов и предписаний. Туристы посещают перевал как достопримечательность, используют его как место остановки во время продолжительной автомобильной поездки, покупают на Чике-Тамане еду и сувениры. При этом они могут не разделять представлений местных жителей об особом характере пространства и, соответственно, не знать правил, регулирующих поведение в нем.

В разрешении возникающих противоречий большую роль играют гиды и работники рынка, которые сообщают туристам правила поведения и переводят локальные представления о месте на язык, понятный приезжим. И те, и другие используют разные способы сообщить о запретах. Представители местного сообщества могут как указывать на потенциальную опасность для нарушителя, так апеллировать к этическим категориям. Таким образом, взаимодействие местных жителей с туристами представляет собой не только непосредственно торговлю, но и посредничество при столкновении различных интерпретаций пространства и представлений о допустимом поведении.

Второй конфликт связан с ведением торговли в пространстве, которое местные жители воспринимают как особое. В отличие от туристов, которые обычно находятся на перевале непродолжительное время, работники рынка регулярно возвращаются на одно и то же место и проводят здесь значительную часть туристического сезона. Их присутствие требует

постоянного обоснования в глазах других представителей местного сообщества, государственных структур и нечеловеческих агентов, с которыми и связан особый характер места в части локальных представлений.

В рассказах работников рынка торговля получает несколько взаимосвязанных обоснований. Работники представляют торговлю как способ обеспечить семью и сохранить экономическую самостоятельность, как продолжение других экономических практик, как возможность репрезентировать и сохранять по-разному понимаемую культуру, а также как деятельность, приносящую пользу региону. Особенно значимым оказывается представление о торговцах как о тех, кто следит за порядком на перевале, убирает территорию и частично выполняет функции, которые информанты связывают с муниципальными службами и государственными контролирующими структурами.

Эти аргументы адресованы разным участникам взаимодействия. В разговорах с туристами работники рынка выступают как носители знания о месте и правил поведения в нем. Легитимируя торговлю в глазах «своих» — соседей, родственников, односельчан, — работники рынка опираются на собственную роль носителей культуры, местных жителей и контролирующей инстанции — тех, кто знает правила поведения и может следить за их соблюдением другими. Репрезентация «культуры» (связанной как с этнической, так и с локальной идентичностью) может восприниматься как значимая функция работы, а «историческая насыщенность» места может коммодифицироваться и служить аргументом в защите прав на экономическую деятельность.

Во взаимоотношении с нечеловеческими агентами работники рынка легитимируют свою деятельность путем набора практик — от оставления подношений до мысленных просьб о благословении. Роль тех, кто следит за соблюдением запретов, также оказывается важна не только для защиты места и выстраивания отношений с его хозяевами, но и для защиты тех, кто с запретами и предписаниями не знаком, от возможных последствий нарушения.

В отношениях с государством мои собеседники апеллируют не столько к легитимности, сколько к легальности торговли и ее пользе для решения тех задач, которые обычно ставит перед собой государство: рынок самовоспроизводится и саморегулируется, решает проблемы с занятостью, берет на себя контролирующие функции на особо охраняемой территории и пополняет бюджет.

В результате Чике-Таман предстает не просто как точка на туристическом маршруте или место концентрации придорожной торговли. Это пространство, в котором туристические, экономические и религиозные практики постоянно пересекаются и требуют согласования.

Работники рынка оказываются не только экономическими субъектами, но и посредниками, регулирующими отношения между туристами, местным сообществом, государством и особым пространством перевала. Поэтому конфликт вокруг торговли оказывается одновременно конфликтом о допустимых способах использования территории и о том, кто имеет право определять ее настоящее и будущее.

Результаты проекта

- Около 50 дней включенного наблюдения;
- Более 50 полуструктурированных интервью;
- Доклад «Перевал на туристическом маршруте: полевая работа в месте, где пересекаются автомобильный туризм, торговля и религия» и содержательный отчет для фонда «Хамовники»;
- Магистерская диссертация «Социальная жизнь алтайского перевала: представления, практики и конфликты» (защищена на Факультете антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге).

Библиография

Источники

Программа развития автомобильного туризма 2025 — Программа развития автомобильного туризма в Республике Алтай на период до 2035 года / Министерство экономического развития Республики Алтай. 2025. URL: <https://xn--04-vlciihi2j.xn--p1ai/activity/upravlenie-po-razvitiyu-turizma/razvitie-avtomobilnogo-turizma/> (дата обращения: 31.03.2026).

Развитие внутреннего и въездного туризма — Об утверждении государственной программы Республики Алтай «Развитие внутреннего и въездного туризма» // Постановление Правительства Республики Алтай от 20.10.2023 N 397. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0400202310230002> (дата обращения: 31.03.2026).

Росстат 2024 — Регионы России. Социально-экономические показатели: [Электронная версия] / Федеральная служба государственной статистики. М.: Росстат, 2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 31.03.2026).

Росстат 2025 — Регионы России. Социально-экономические показатели: [Электронная версия] / Федеральная служба государственной статистики. М.: Росстат, 2025. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 31.03.2026).

Росстат 2026 — Трудовые ресурсы, занятость и безработица: [Электронная версия] / Федеральная служба государственной статистики. М.: Росстат, 2026. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force# (дата обращения: 31.03.2026).

Стратегия социально-экономического развития — О Стратегии социально-экономического развития Республики Алтай на период до 2035 года (с изменениями на 21 апреля 2025 года): [Постановление] / Правительство Республики Алтай. 2025. URL: <https://docs.cntd.ru/document/446669488> (дата обращения: 31.03.2026).

Исследования

Минаев 2021 — Минаев А. И. Пространственно-временные аспекты развития туризма в Республике Алтай // Трансграничные регионы в условиях глобальных изменений: современные вызовы и перспективы развития: материалы II Международной научно-практической конференции. Горно-Алтайск, 26 ноября 2021 года. Горно-Алтайск: Библиотечно-издательский центр Горно-Алтайского государственного университета, 2021. С. 42-51.

Плюснин 2022 — Плюснин Ю. М. Неформальная экономика российской провинции. Источники ресурсов и виды промысловых практик домохозяйств // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. №. 3. С. 58-90.

Республика Алтай 2025 — Республика Алтай в конце XX – начале XXI вв.: Власть. Экономика. Население. Культура / Ред. коллегия: М. С. Каташев, Э. В. Енчинов, Э. Г. Торусhev, А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск: БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова», 2025.

Broz 2024 — Broz L. Evil Spirits and Rocket Debris: In Search of Lost Souls in Siberia. New York: Berghahn, 2024.

Broz, Habeck 2015 — Broz L., Habeck J. O. Siberian Automobility Boom: From the Joy of Destination to the Joy of Driving There // Mobilities. 2015. Vol. 10. No. 4. P. 552–570.

Halemba 2006 — Halemba A. The Telengits of Southern Siberia: Landscape, Religion and Knowledge in Motion. London: Routledge, 2006.

Kaneff 2002 — Kaneff D. The Shame and Pride of Market Activity: Morality, Identity and Trading in Postsocialist Rural Bulgaria // Markets and Moralities / ed. by R. Mandel and C. Humphrey. Oxford; New York: Routledge, 2002. P. 33-51.